

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛЕС

Довушка для вексари

ДЖ. Э. УАЙТ

Заколдованный лес

Дж. Э. Уайт

Ловушка для вексари

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт Д.

Ловушка для вексари / Д. Уайт — «Эксмо»,
2015 — (Заколдованный лес)

ISBN 978-5-04-099040-5

Каре Вестфолл и её младшему братику Таффу чудом удалось сбежать от разгневанных жителей деревни, обвинивших Кару в колдовстве. Только в качестве убежища они выбрали не самое надёжное и безопасное место – Заколдованный лес! Все знают, что ходить туда опасно. Ведь его деревья черпают энергию не в плодородной почве и солнечных лучах, а в страхе и печали. В этом Лесу обитает множество странных и опасных существ. Но самый жуткий обитатель Леса – Демон Сордус. Когда-то он был сильным магом, но однажды могущественная ведьма-вексари Риготт ценой своей свободы пленила его, превратила в страшное чудовище и заперла в Чащобе. Долгие годы Сордус ждал, что придёт та, что освободит его от страшного проклятия. И она пришла...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099040-5

© Уайт Д., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Книга первая	11
1	12
2	20
3	24
4	29
5	36
6	43
Книга вторая	52
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дж. Э. Уайт
Ловушка для вексари

Джеку, Логану и Колину – книжка про монстров!

Пролог

Сафи ворочалась под одеялами, ожидая, как и каждую ночь, когда вернётся папа. Вот если бы удалось заснуть, не пришлось бы тогда ёрзать и вертеться с боку на бок, воображая тысячу несчастий, которые могут с ним случиться во время Переплетения. Сафи бы просто закрыла глаза, а потом открыла – раз, и папа уже сидит у её кровати!

Как по волшебству.

А сегодня он, как назло, ещё и задерживался, и Сафи сделалось страшно. Нет, конечно, Сафи много чего боялась: и грозы, и огня, и этих вот насекомых со множеством лапок, которые только и ждут, пока она заснёт, чтобы начать ползать по комнате. Но больше всего на свете Сафи боялась потерять папу. Поэтому, хотя темноты она тоже боялась, она всё-таки решила дойти до соседской хижины, чтобы посмотреть, не вернулся ли домой их сын, тоже переплётчик.

«А потом, – подумала она, – надо же рассказать папе, что я видела...»

Она как раз выскользнула из постели, как вдруг послышались знакомые папины шаги, тяжёлые и размеренные. Сафи ахнула от неожиданности, юркнула обратно под одеяла и расправила их. Когда папа вошёл в комнату, она сонно открыла глаза, как будто он её только что разбудил.

– Папа! – воскликнула Сафи.

Его длинная белая борода слиплась от пота и грязи. На тёмной коже подбородка набухал страшный серповидный ожог.

– Ты ранен!

Сафи села и погладила его по щеке.

– Ничего, это пустяки, – ответил папа.

Наверно, и правда пустяки. У папы всё тело, особенно руки, было обезображено шрамами. Этот новый ожог был далеко не самый страшный.

– Спи давай, – сказал он. – Поздно уже.

– А я спала!

Папа вскинул брови.

– Ну, я же в постели лежала, – поправилась Сафи.

– Спи, моя ненаглядная. Спи.

– Пап, а можно сказку?

– Ох, я так устал! – вздохнул папа, но сам уже подвинул табурет к Сафиной постели и сел. – И даже ещё не ужинал.

Сафи улыбнулась. По правде говоря, теперь, когда папа вернулся, её утягивало в сон, как рыбку на удочке. Но она чувствовала, что папе нужно рассказать ей сказку, что время, проведённое с единственной дочерью, залечивает его раны лучше любого бальзама.

– Расскажи, как он появился, – сказала Сафи.

– Что, опять? Это же мрачная история, радость моя.

– Зато хорошая!

– Но это не...

– Ничего, мне не страшно.

И да, несмотря на многочисленные страхи Сафи, этой истории она не боялась. В сказке Лесной Демон был просто словом, он был скован сюжетом так же надёжно, как и любой другой персонаж. В сказке он не мог причинить им зла.

– Ну расскажи! – попросила Сафи.

Папа потянулся, табуретка скрипнула под его весом, и он принялся рассказывать. Его звучный голос заполнил маленькую спальню целиком.

– На одном утёсе стоял замок, а в замке жила-была принцесса, которую не радовало всё то, что радует других детей. Ей не нравилось играть в прекрасные игрушки, которых у неё было полным-полно – ей нравилось только ломать их. Принцесса терпеть не могла, чтобы её товарищи по играм смеялись – она улыбалась, только когда они плакали. Казалось, ничто не способно заполнить пустоту в её сердце. И вот её отец, человек добрый, но слепой к истинной природе своей дочери, устроил состязание: он посулил отдать половину сокровищ своего королевства за то, что сможет порадовать принцессу.

– Ты про Риготт забыл, – напомнила Сафи. – Которая умела повелевать животными и была единственной, кто предупреждал...

– Поздно уже, – сказал папа, – а про Риготт ты и сама всё знаешь. К тому же про неё ещё будет речь в конце истории.

– Всё равно, лучше рассказывай как следует!

Папа сделал вид, будто собирается встать.

– Может, лучше вообще не рассказывать, а?

Сафи энергично замотала головой.

– Так на чём я остановился? – спросил папа, усаживаясь на место. – Ах да! Состязание. Слухи о нём разнеслись во все концы Мира, и с самых дальних берегов приплыли в королевство изобретатели и игрушечники, плетельщики баек и игрокузнецы, поэты и архитекторы. Все надеялись, что королевская награда достанется именно им. Каждое утро принцесса садилась на свой трон, и ей приносили ослепительные россыпи сокровищ. Там был и металлический мальчик, что умел играть во все игры на свете, но всегда позволял принцессе выигрывать. И кукольный домик с большими окнами, сквозь которые принцесса могла смотреть, как его оби-

татели беседуют и играют, спорят, растут и стареют. И ткацкий станок, на котором фантазии принцессы сами собой превращались в великолепные ковры.

Но от всех этих замечательных даров принцесса попросту отворачивалась, не говоря ни слова. Таким образом миновало сорок дней. И вот наконец на сорок первый день явился при дворе человек с книгой, обёрнутой в чёрные листья.

– Сордус! – прошептала Сафи. И хотя она обещала не бояться, голос у неё дрогнул – самую малость.

– Он посулил принцессе, что книга эта даст ей возможность делать всё, что она захочет. Советница короля, могущественная вексари по имени Риготт...

– Ну наконец-то! – воскликнула Сафи.

– ...Умоляла его не давать эту книгу принцессе. Но король, наконец-то увидевший в глазах дочери неподдельную радость, ничего и слушать не желал.

Папа вздохнул.

– И Сордус не солгал. Гримуар даровал принцессе возможность осуществить все её самые чёрные желания. Не прошло и нескольких дней, как от королевства остались одни руины, и самой принцессе пришёл конец.

– И только Риготт выжила! – сказала Сафи.

– И преследовала Сордуса до самого острова, который был ему домом, твёрдо решив сделать так, чтобы он больше никому не смог причинить вреда.

– Надо было его убить...

– Нет, – ответил папа. – Риготт верила в то, что любая жизнь свята. За такое человека винить не стоит. К тому же по-настоящему опасен был не сам Сордус, а его могущество. И потому Риготт создала зверя по имени Нирсук. Достаточно было одного его укуса – и Сордус тотчас же сделался бы обычным человеком.

Сафи закрыла глаза. Как выглядел Нирсук, точно не знал никто, поэтому всякий раз, как папа рассказывал эту историю, Сафи представляла его себе по-разному. Сегодня Нирсук был гигантской сороконожкой с рогами на ногах.

Папа продолжал:

– Однако Сордус был куда могущественней, чем могла себе представить Риготт. Он властвовал над травами и деревьями, он осыпал Нирсука градом чёрных шипов и убил его прежде, чем зверь сумел приблизиться к нему. Тут началась великая битва. Сордус пытался удушить Риготт лианами и лозами и насылал на неё чудовищ, созданных из корней и сучьев, Риготт же в ответ насылала на него птиц, и зверей, и насекомых, что ползают под землёй. Остров содрогался. Однако в конце концов Риготт поняла, что не совладать ей с жестоким Сордусом, и, видя, что ей приходит конец, вложила она всю свою магию в одно, Последнее Заклинание и заточила Сордуса на острове, где он никому не может причинить зла.

– Кроме нас, – сказала Сафи.

Папа кивнул.

– Кроме нас.

Он поцеловал Сафи в щёку, девочка хихикнула от прикосновения колючей бороды.

– Ну, а теперь спать, – сказал он, отодвигая табурет в угол комнаты. – А то кому-то с утра ещё и завтрак готовить.

– А мне видение было.

Папа застыл.

– И что ты видела? – спросил он.

– Девочка, идущая сквозь Чашобу, – ответила Сафи. – Высокая, черноволосая. И с ней мальчик. Они этого ещё не знают, но идут они сюда.

Папины губы нервно скривились. Он выглянул в окошко, словно проверяя, нет ли там кого.

– Ты об этом никому не говорила? – шёпотом спросил он.

– Ну что ты! Нет, конечно!

– Эти сны... нельзя допустить, чтобы он узнал...

– Я никому не скажу, пап. Честное слово!

Папа погладил бороду и поразмыслил над её словами.

– Ты знаешь, кто она такая? – спросил он.

– Кое-что знаю, – ответила Сафи. – Она из дальней деревни на границе Чащобы. И она владеет великой магией, но гримуара при ней нет.

– Интересно... – сказал папа. Он подоткнул одеяло на Сафи, наклонился и вполголоса сказал ей на ухо: – Может быть, это вексари. Может быть, она едет сюда, чтобы наконец-то всех нас спасти от него.

Сафи замотала головой.

– Ничего подобного. Я видела, что будет, когда девочка доберётся сюда. Разорение. Огонь. Смерть. И не только здесь, но и во всём Мире.

Она стиснула папины руки.

– Эта девочка сюда не спасать нас едет! Она – та, кто нас всех уничтожит.

Книга первая Вексари

Ведьмы сеют зло, наставляя детей на пути тьмы.

«Путь»

Лист 12, жилка 49

1

Каре Вестфолл было всего двенадцать, однако тьму она успела повидать в самых разных видах. Удушающую тьму мешка из-под картошки, сброшенного на голову. Водянистую тьму, такую непроглядную, что в ней можно потерять себя самоё. Тьму искушения, затмевающую разум посулами власти и мести. И любая тьма, каждая по-своему, оставляла отпечаток в её душе. Все они были разные. И все одинаковые.

Но такой тьмы, как эта, Кара прежде не встречала.

После того как ветви сомкнулись у них за спиной, Кара и Тафф остались на плаву в океане беззвёздной ночи. Вокруг царила тишина, слышался лишь приглушённый топот копыт по мягкой земле Чашобы.

Кара крепко уцепилась за гриву Тенепляски и зажмурилась. Авось кобыла дорогу найдёт. Сама Кара больше ничего особо сделать не могла.

– Они хотели нас убить! – шёпотом сказал Тафф ей на ухо. Дыхание его было жарким, дышал он коротко и часто: воздух тут был странный, разреженный какой-то. – Почему же папа их не остановил?

– Эта тварь – не наш папа.

Кара почувствовала, как прильнувшее к ней тельце вздрогнуло.

– Папы больше нет, – продолжала она. – Грейс использовала своё Последнее Заклинание, чтобы его изменить. Теперь он Тимоф Клэн.

– Как – Тимоф Клэн? Тот самый? Из историй?

Они же выросли на этих легендах. О Могучем Тимофе Клэне. Истребителе ведьм. Создателе Единого Истинного Пути.

– Да, – ответила Кара.

– Ерунда какая-то.

– Магия не подчиняется логике.

– Да нет, я не про это. Я про Тимофа Клэна. Даже если он стал нашим папой – да кем угодно! – он бы всё равно никогда не причинил нам зла. Ведь он же добрый!

– К кому как, – возразила Кара. – Для всех добрый, а для ведьм нет.

Каре послышался какой-то звук в темноте – но нет, это просто Тафф устроился поудобнее на крупе Тенепляски.

– А папа умер? Навсегда умер? Или просто исчез?

– Я не знаю.

– Ты же его вернёшь?

– Тафф!

– Я же видел, на что ты способна. Ты – ведьма! Добрая ведьма. Ты сотворишь заклинание и всё исправишь.

Надежда в его голосе была как кинжал, который вонзился ей прямо в сердце.

– Книги заклинаний у меня больше нет, – ответила Кара. – И даже если бы и была, я не могла бы её использовать. Это опасно. Ты же видел, что случилось с Грейс.

– Но ты-то другая, не такая, как она!

– Не настолько я другая.

– Но ведь должно же быть что-то, что мы можем...

– Я больше не ведьма.

– Но...

– Тсс! – перебила Кара. – Давай немножко помолчим, а?

Тафф обхватил её за талию и привалился головой к спине между лопатками.

– Ненавижу магию! – пробормотал он.

Они ехали всё дальше во тьму Чащобы. Кара гадала, увидят ли они когда-нибудь ещё дневной свет.

Когда Тафф принялся похрапывать, Кара улыбнулась тому, что братишка способен уснуть в любой момент, и погладила его ручонку, мягонькую, как куриные пёрышки. Конечно, будь такая возможность, Кара предпочла бы, чтобы мальчик находился в более безопасном месте. И всё же она была благодарна за то, что он при ней.

Чащоба – не то место, куда стоит попадать в одиночку.

Кара смотрела по сторонам, пытаясь обнаружить в кромешной мгле хоть какие-то очертания. Какие-нибудь ориентиры, хоть малейший намёк на силуэт или форму. Ну хоть... хоть что-нибудь! Но нет, куда ни глянь, повсюду была лишь та же непроглядная тьма.

«Вот если бы мы попали в другую часть Чащобы, – думала Кара, вспоминая прошлый раз, когда она тут побывала, – плетельщики могли бы подсветить нам дорогу. Я бы и сюда могла их призвать, если бы по-прежнему владела магией». Но магии она лишилась, и её отсутствие ощущалось так же остро, как отсутствие потерянного друга.

Заморосил мелкий дождичек – крохотные капельки покалывали ей щёки. Ну что ж, хоть не холодно, и на том спасибо. В Де-Норане уже почти наступила зима, но тут была теплынь – липкая жара, прямо как летом после ливня. У Кары катился пот со лба, одежда липла к спине.

В тепле, под ровный шаг Тенепляски, мысли Кары невольно вернулись ко всему, что случилось до их бегства в Чащобу. Грейс, которую утянуло в немыслимые бездны гримуара. Лицо Лукаса, становящееся всё меньше, когда его корабль уходил вдаль. Крупные и мелкие камни, свистящие мимо её головы, лютая ненависть деревенских, которых она спасла...

И главное – слова, звучавшие у неё в голове шелестом листвы: «Твоё могущество не зависит от книги. Ты не такая, как другие, Кара Вестфолл...»

Она очнулась.

В какой-то ужасающий миг ей почудилось, будто Тафф свалился с лошади. Потом туман сна развеялся, и Кара с облегчением ощутила тяжесть брата, привалившегося к спине.

Однако облегчения хватило ненадолго: она почувствовала, как трудно сделалось дышать.

Грудь у Кары горела, оттого что она пыталась втягивать в лёгкие непокорный воздух. Приходилось дышать коротко и часто, как будто она всасывала воздух не из окружающего пространства, а через крохотное отверстие в тростинке. Тафф, который выглядел воплощением здоровья с тех самых пор, как Джейбенгук спас его от верной смерти, сипел и хрипел ещё хуже её.

– Тафф! – шепнула Кара. Даже этот слабый выдох казался непосильным трудом для лишённого кислорода тела. – Тафф! – повторила она. – Надо... Проснись, Тафф!

– Я есть хочу, – сонно пробормотал братишка. И тут же вскинулся в панике: – Я не могу дышать!

– Тсс! – сказала Кара. – Тсс! Молчи. Береги дыхание.

В темноте ей было не видно, как Тафф кивнул, но Кара знала, что он понял. Его сердечко, которое колотилось как барабан, чуточку выровнялось.

– Воздух, – сказала Кара. – Что-то не так!

Когда Кара была в Чащобе в первый раз, воздух тут был отличный – по правде говоря, даже лучше, чем в Де-Норане. «Но это было в двух часах к югу отсюда. Может, в этой части Чащобы воздух другой. Может, тут людям вообще не место». Но если это правда, что же им тогда делать? Кара понятия не имела, сколько часов они уже так едут. При той скорости, с какой они теряют кислород, возвращаться, наверно, уже не имеет смысла. К тому же даже если бы она и захотела вернуться, она не знала, в какую сторону ехать. Темнота уничтожала всякое чувство направления.

Она услышала страшный хрип и поняла, что это Тенепляска пытается втянуть в себя воздух. «Сколько же времени она нас так везёт?» – подумала Кара и похлопала кобылу по боку. Ей отчаянно хотелось подбодрить Тенепляску, но она решила не тратить воздух на слова. Вместо этого она соскользнула на землю, чтобы облегчить кобыле ношу.

Как только Карины ноги коснулись земли, она поняла, что эта часть Чащобы ещё страннее, чем она думала.

Почва под ногами шевелилась.

Пока они ехали верхом, это ровное, медлительное шевеление было незаметно, но сейчас сомнений быть не могло. Кара пощупала землю под ногами – это оказалась никакая не земля, а что-то ребристое, скользкое, гладкое, будто кожа. Оно щекотало пальцы, будто лист кувшинки, колышущийся в волнах ручья.

«Непроглядная тьма. Шевелящаяся земля под ногами. Туман...»

Кара вспомнила то, что рассказывала мама об иных растениях с Опушки, и в голове начала созреть немислимая идея – хотя, конечно, когда речь идёт о лесе, способном начисто затмить солнце, значение слова «немислимое» придётся пересмотреть.

«А может, мы и не в лесу вовсе?»

Она стащила Таффа с лошади. Грудь заныла от напряжения.

– Идём, – сказала она. – Держись за руку. Не... не отпускай!

И повела его за собой сквозь тьму. Тенепляска шагала следом.

– Земля... – сказал Тафф. – Ты чувствуешь?..

– Да.

– Что это за место такое?

Кара бы с радостью всё объяснила, но было не до того.

– Ловушка.

Земля тянула их за собой в определённом направлении – Кара даже не представляла, куда именно, – но она свернула и повела Таффа наперерез этому движению. Каждый шаг был утомителен, будто по пояс в воде. И как бы глубоко она ни вдыхала, в губы просачивалась лишь жалкая струйка воздуха.

Но тут они упёрлись во что-то вроде стены, и Кара воспряла духом. «Значит, я права!» – подумала она, и тут же одёрнула себя за самоуверенность. Они пока ещё не вырвались отсюда!

Она прижалась ухом к скользкой стенке – и услышала снаружи приглушённый шум дождя.

– Помогай! – сказала Кара Таффу. Она взяла его за руки и положила их на мясистую стенку. – Нащупай... щель. И попробуй раздвинуть её пальцами.

Тафф сжал сестрину руку в знак того, что всё понял.

Они водили по стенке кончиками пальцев, разыскивая во влажноватой поверхности хоть какое-нибудь отверстие. Возможно, поиски были бы эффективнее, если бы они разошлись, но Кара не хотела рисковать, отпуская от себя Таффа. И к тому же она не была уверена, что это подействует. «Если я видела, как мама так делала на Опушке, это ещё не значит, что то же самое получится здесь». Кара провела пальцами по особенно гладкой поверхности – и обнаружила, что рука проваливается куда-то вниз. Не сразу она сообразила, что упала на землю. Она так и осталась лежать, дыша судорожно и беззвучно, сама удивляясь, отчего же она не встает. Но всё, что она могла – это прислушиваться, как шаги Таффа удаляются в темноту.

«Он думает, что я рядом, но он один-одинёшенек».

Перед глазами всё плыло.

Издали донёсся крик Таффа. Кара слышала слова, но не могла понять, что они означают. Она попыталась вдохнуть, чтобы окликнуть брата по имени, но тут дыхание наконец перехватило окончательно, и её накрыло первой волной паники.

И тут вдруг земля под ней провалилась, и Кара поехала спиной вперёд по внезапно образовавшемуся склону. В лицо хлестнул холодный дождь, и воздух, долгожданный воздух хлынул в лёгкие. Она услышала, как Тафф завопил от восторга. Повернув голову, Кара увидела, как он съезжает с чего-то вроде блестящей зелёной горки, размахивая руками, будто на праздничных гуляньях.

Ещё несколько секунд – и Кара кубарем покатила по мягкой почве Чашобы. Почва была чёрная, сыпучая, не имеющая ничего общего с плодородной землёй Де-Норана, и всё же Кара обрадовалась ей как никогда в жизни. Дышалось ей теперь свободно и легко.

Высоко вверху чёрные вершины сплетались между собой, поглощая большую часть вечернего солнца, однако отдельные лучи всё же достигали подножий деревьев, и света кругом было достаточно, чтобы Кара могла оглядеться по сторонам.

Темница, откуда они вырвались, висела над головой на рыжеватых лианах. Она смахивала на растение с Опушки, которое мама называла «тюлинет», только те можно было в руки взять, а это было гигантское: там могли бы поместиться сотни людей. Его огромная тяжесть равномерно распределялась по деревьям, образуя ровный круг. Чёрные лепестки смыкались в центре, так что растение имело куполообразную форму, вроде тех юбок с кринолинами, что некоторые девицы напяливают на праздник Теней. Тот лепесток, что выпустил их наружу, втянулся на место, будто здоровенный язык.

– Что это было? – спросил Тафф. Он похлопал Тенепляску: лошадь выглядела крайне недовольной внезапным падением, но осталась цела и невредима.

– Гритченлок, что же ещё, – ответил сзади женский голос.

Кара с Таффом развернулись и уставились на женщину.

Женщина была ростом с Кару – а Кара была высокой для своих лет – и носила потрёпанный плащ, собранный воедино из разных источников. Коротко, по-мужски подстриженные

волосы торчали неровными клочьями. Судя по сухой, морщинистой коже и несколько сгорбленной спине, Кара дала бы ей немного за семьдесят, однако взгляд жёстких, как кремь, глаз не имел возраста и приводил на ум потерянные королевства и позабытые земли.

На левом плече у неё болтался простой мешок из сыромятной кожи. При каждом движении женщины он загадочно громыхал и позвякивал, как будто там лежали то ли камни, то ли осколки битого стекла.

– Попейте, – сказала женщина, кивнув на текущий неподалёку ручей.

– А это не опасно? – спросила Кара.

Женщина насмешливо сощурилась.

– Не опаснее, чем всё остальное в здешних местах.

Не успела Кара оглянуться, как Тафф забежал в ручей по колени и окунул лицо в воду.

– Ой, какая вкусная! – воскликнул он, когда вынырнул, чтобы отдышаться. Он наклонился, чтобы попить ещё, но Кара удержала его.

– Да ладно тебе, Кара, отличная вода! – возразил он.

– Откуда ты это знаешь?

Кара зачерпнула воды в сложенные ладони, опасливо отхлебнула, потом сделала глоток побольше. Вода, прохладная и освежающая, приятно увлажнила пересохшее горло. Тело требовало ещё, но Кара заставила себя остановиться: нет, сперва надо поглядеть, как желудок отреагирует.

– Вы давно за нами следите? – опасливо спросила Кара, подводя лошадь к ручью.

– С тех самых пор, как вы попались в григченлок. Я всё ждала, хотела знать, выживете вы или погибнете.

Женщина пожала плечами.

– Какое-никакое, а занятие.

– Но вы же могли бы нам помочь! – воскликнул Тафф.

Женщина покачала головой.

– Не тот у меня нынче день, чтобы по деревьям карабкаться. Вот если бы вы застали меня вчера – это было бы другое дело.

Тафф подбоченился.

– Ерунда какая-то!

– Тем не менее это правда, – ответила женщина. – Подобно григченлоку.

– На свете нет ничего подобного григченлоку.

– И то правда. А как вы догадались, что вы у него внутри? Большинство людей просто бродят кругами, не соображая, что происходит, пока внутри не иссякнет воздух и растение не начнёт их переваривать. Это все из-за вращения, понимаете? Жертва уверена, что она куда-то идёт, когда на самом деле она не двигается с места.

Женщина одобрительно хмыкнула.

– Хитро придумано!

– Какой кошмар! – сказала Кара.

– Да какой там кошмар? – возразила женщина. – Большинство жертв григченлока умирают во сне. Тут, в Чашобе, это, считай, милосердно.

Дождик, который до сих пор тихо шуршал в листве над головой, припустил сильнее. Тафф поймал несколько капель языком, вызывая поглядывая на сестру, как бы говоря: только попробуй мне и это запретить!

– Смотрите! – сказала женщина.

Лианы со скрипом растягивались: григченлок опускался вниз. Коснувшись земли, массивные лепестки медленно развернулись, и их внутренняя сторона потемнела, из зелёной сделавшись чёрной, под цвет здешней почвы. Идеально замаскированная ловушка.

– По ночам это действует лучше, – сказала старуха, – но вы не первые, кто в него среди бела дня попадается. Не вините себя. Тут и в самом деле нетрудно растеряться, особенно новичку.

– А вы кто? – спросила Кара.

Старуха почесала голову, выудила что-то из волос и щелчком отбросила в сторону.

– Ты ещё не ответила на мой вопрос. Как ты догадалась, как оттуда выбраться?

– Мы с мамой раньше ходили собирать травы на Опушке, – ответила Кара. – Мама была целительница, а на Опушке растёт много растений, которые годятся на лекарства. Но она меня учила и тому, каких растений следует избегать. И хищные растения вроде этого показывала, тюлинеты и земляные красавицы. Однажды вечером – мы весь день убрали капусту, я это запомнила, потому что у меня все руки были зелёные, я то и дело вытирала их о своё платье, – она повела меня вглубь Опушки, и мы присели рядом с какими-то лепестками – мне показалось, будто они просто лежат на земле. Мама пригасила фонарь, и мы сидели в темноте и щёлкали семечки.

Голос у Кары сорвался, и она немного помолчала, чтобы взять себя в руки. Именно от таких мелких, сугубо личных воспоминаний о маме сердце каждый раз пронзала боль утраты.

– И тут вдруг по земле пробежала мышка, и ловушка раз – и захлопнулась в мгновение ока. Лепестки сомкнулись, отделились от земли, и растение принялось вращаться на коротком стебле. Мама подвела меня поближе, чтобы мне было слышно, как мышка шуршит внутри. «Бедняжке кажется, что она по-прежнему бегаёт на свободе, – сказала мне мама. – Она не понимает, что воздух внутри скоро закончится. Ещё чуть-чуть – и ей конец». Я взмолилась, чтобы она спасла мышку. Обычно мама не вмешивалась в то, что творится на Опушке, но в тот раз она послушалась. «Эти лепестки очень мощные, – сказала она, – даже самому могучему человеку в Де-Норане не под силу их раздвинуть. Но вот, погляди!» Она подцепила лепестки ногтем, они застыли и развернулись, и получился такой холмик, по которому мышка скатилась на землю.

– И что, в григченлоке ты поступила так же? – спросила старуха. – Раздвинула лепестки? Просто старая уловка, и ничего больше?

– На самом деле, это сделал мой братишка.

Тафф, который по-прежнему ловил на язык дождевые капли, радостно улыбнулся и помачал рукой.

Старуха вздохнула.

– Опушка – необычайно опасное место для детей.

– Ну, у нас вообще было необычайное детство.

– Как тебя звать?

– Кара Вестфолл. А это мой брат, Тафф.

Старуха чуть заметно кивнула, как будто Кара подтвердила то, что она и так уже знала.

– А вы кто? – спросила Кара.

– Ну, от рождения, если тебя интересуют такие вещи, я звалась Маргарет Оллвезер. Но ты, должно быть, знаешь меня под другим прозвищем, которое мне дали намного позднее. Мэри-Котелок, слышала?

Тафф тихонько ахнул и подался поближе к Каре.

– Ага, – сказала Мэри, – вижу, вы обо мне слышали.

Холодный дождь тёк Каре за шиворот. Ветер жалобно завывал в кронах, как будто пытался что-то сказать, но никак не мог выговорить.

– Вы же умерли, – сказала Кара. Она шагнула вперёд, загородив собой Таффа, и выхватила перочинный ножик. – Вы же умерли несколько столетий назад!

– Я исчезла несколько столетий назад. Разница существенная.

– Но не могли же вы прожить так долго!

– Но всё-таки прожила. Замечательная штука эта магия!

– Вы его не тронете, я вам не позволю!

Мэри-Котелок смерила Кару неприкрыто-насмешливым взглядом.

– А зачем мне вообще его трогать?

– Я о вас слышана! Я знаю, что вы творите с детьми.

– Ты знаешь, что я творила когда-то. Но вам нужна моя помощь. Вы тут одни-одинёшеньки, и вам уже грозит опасность. Здесь водятся твари, которые чувствуют магию, которые готовы на всё, чтобы её отведать...

– А у меня и нет магии.

Мэри-Котелок усмехнулась. Зубы у неё пожелтели от старости, но всё ещё выглядели достаточно острыми, чтобы кусаться.

– Ой, что-то не верится, Кара, дочь Хелены!

Порыв ветра пронёсся над лесом. Вместо того чтобы зашуметь, листья зашептались: на них обрушился поток слов, почти членораздельных – но не совсем. Шёпот этот был полной противоположностью колокольчикам, пению, гулению младенца. В нём слышалось полное отсутствие всякой надежды.

– Что это? – воскликнула Кара, с изумлением обнаружив, что глаза у неё наполнились слезами.

– Чашоба не такая, как другие леса, – отвечала Мэри. – Эти деревья питаются не плодородной почвой и солнечными лучами – они растут на боли и страданиях, горе и отчаянии. Эти листья никогда не желтеют и не краснеют, не шуршат под ногами прохладным осенним вечером. Но временами, когда ветер дует в нужную сторону, они шепчутся.

Ветер улёгся, деревья смолкли, и сделался слышен треск ветвей – что-то ломилось через лес в их сторону. Стенающий вой разнёсся эхом среди деревьев, ему откликнулся хор пронзительных чирикающих голосов.

– Сюда кто-то идёт, – сказал Тафф.

И тут лес будто взорвался: множество созданий, больших и малых, мчались мимо них. Целый мир, что таился в подлеске и среди ветвей, устремился в лихорадочное бегство. Кара с изумлением смотрела, как все они проносятся мимо: их было так много, что и не разглядишь – существа с крыльями летучей мыши и унылыми серебристыми мордочками, двуногие дракончики ростом не крупнее белки, состоящий из глаз диск, катящийся по земле. Все эти животные не привыкли держаться вместе, но всех их объединила общая нужда: убраться отсюда как можно скорее.

– Он знает, что ты здесь, – сказала Мэри-Котелок.

Дети не стали спрашивать, кого она имеет в виду. Они и так поняли.

– Как он меня так быстро нашёл? – спросила Кара.

– Это его Чашоба, детка. Он тут всё знает.

Над головой беззвучно смыкались вершины деревьев, заполняя лес поддельными сумерками.

– Идём. Я знаю место, где ему до тебя не добраться. Там вы с братом будете в безопасности.

– А почему я должна вам доверять?

Небо снова наполнилось ужасающим воем. Уже ближе.

Кара не двинулась с места.

– Ну, воля твоя, – сказала Мэри-Котелок, оглядываясь на соседний холм. – Я лично не собираюсь расстаться с жизнью, дожидаясь, пока ты решишься.

– Мы не боимся! – ответила Кара. Она старалась, чтобы это звучало отважно и дерзко, но ей самой было слышно, что голос у неё дрогнул.

– Чего вы не боитесь? – спросила Мэри. – Смерти, что ли? Ты думаешь, вам грозит смерть?

Она выпучила свои серые глаза.

– Значит, ты ещё глупее, чем я думала!

И с этими словами старуха закинула свой гремящий мешок за спину и зашагала по тропе, ни разу не оглянувшись, чтобы проверить, идут ли за ней дети. «А что нам остаётся?» – подумала Кара. В глазах Таффа она прочла тот же вопрос. Она посадила мальчика на Тенепляску, и они заторопились вглубь Чащобы следом за старой ведьмой.

2

Они бежали через лес, подгоняемые нарастающим грохотом шагов и треском сучьев. Вершины содрогнулись от приглушённого раската грома, в просвете ветвей мелькнула молния. На миг чёрные листья вспыхнули зелёным, и Чашоба предстала перед ними во всей красе: чудовищные стволы, узловатые корни, выпирающие из земли, точно стариковские жилы, пульсирующее пятно янтарного мха. Потом снова стемнело, и вновь единственным источником света остались зелёные глаза, усеивающие фальшивое небо и глядящие на них с высоты, будто проклятые звёзды.

Мэри-Котелок с Таффом ехали на Тенепляске, Кара бежала следом. В темноте, по неровной тропинке, кобыла не могла шагать быстро, так что Кара поспевала за ней. Однако в боку уже закололо и ноги подкашивались от усталости. Если она в ближайшее время не передохнёт, то просто упадёт.

– Всё, уже почти пришли, – сказала Мэри, как будто прочтя мысли Кары. Хотя если вспомнить всё, что известно об этой старой ведьме, – возможно, она и на это способна.

Они миновали заросли невысокой, по колено, травы, усеянной голубыми шариками, которые свисали почти до земли и выпускали крохотные струйки пара, когда кто-то проходил мимо. В башмаках чавкало, ноги у Кары замёрзли. «Что же я творю? – думала она. – Мы следуем за злой ведьмой, которая собирается то ли спасти нас, то ли похитить наши души!» Кара начала отставать. Тенепляска превратилась в размытый силуэт среди деревьев. Боль в боку отрастила острые зубы. Но тут Мэри наклонилась и что-то шепнула на ухо Тенепляске. Кобыла остановилась как вкопанная.

– Ну вот, – сказала Мэри. Она съехала по боку лошади на землю и чуть не упала. Тафф наклонился, чтобы её поддержать.

– Спасибо, юный джентльмен, – поблагодарила Мэри.

Впереди обнаружился каменный мост, уходящий во тьму. Кара осторожно заглянула вперёд – но ничего не увидела: в этой части Чащобы свет, проникающий под кроны леса, сделался совсем чахлым.

– На мосту будет темно, – сказала Мэри, вручая Каре поводья Тенепляски. – Тебе придётся вести её в поводу.

Грянул гром, вершины снова озарились зелёной вспышкой, и они наконец увидели тех, кто их преследовал. На вид преследователи слегка смахивали на волков, но волков, вырытых из земли: лишённые плоти тела с костями из сучьев, пасти из багряной листвы и яркие цветы глаз. Во главе их шагал Сордус, лицо его было сокрыто под складками тыквенно-оранжевого плаща, который тянулся назад, насколько хватал глаз, и струился меж деревьев, подобно туману.

Кара попятилась на мост. Чудовища были всё ближе. И хотя глаз Сордуса по-прежнему видно не было, Кара чувствовала, что он следит за каждым её движением.

Повод туго натянулся у неё в руках.

– Тенепляска! – шёпотом сказала Кара застывшей на месте лошади и сильнее дёрнула за повод. – Тенепляска, идём!

Поначалу Кара думала, что кобыле не хочется входить на этот мост, рукотворное сооружение, уходящее куда – то в немыслимую даль. Но дело было не в этом. Тенепляска старалась, изо всех сил старалась войти на мост. Её жилистые мускулы бугрились от напряжения. Она старалась – но не могла.

Кара посмотрела под ноги и поняла, в чём дело. Четыре толстых корня туго обвили ноги Тенепляски, приковав кобылу к месту.

– Постой, девочка, – сказала Кара, раскрывая перочинный ножик.

Но прежде чем она успела шагнуть вперёд и сделать первый надрез, сильная рука ухватила её за локоть.

– Не сходи с моста! – воскликнула Мэри. – Лесной Демон на веки вечные прикован к земле – на камень ступить он не может. Здесь ты в безопасности.

– Но я же должна ей помочь!

– Нет! Стоит тебе ступить на землю, он завладеет и тобой тоже.

Тенепляска доверчиво смотрела на Кару, ожидая, что она что-нибудь сделает. Спасёт её.

– Ей конец, – сказала Мэри. – Извини.

И тут перед ними очутился Сордус. Совсем рядом, только руку протяни. Он вытянул шею, и Кара мельком увидела его глаза: зелёные моховые колодцы, в которых таились бездонные глубины боли и жестокости.

Сордус провёл своей суковатой рукой по боку Тенепляски. Его пальцы, на удивление ловкие, были длинными, будто прутья метлы, и сгибались в десятках еле заметных суставов.

– Кара! – сказал он. – Вот ты и вернулась ко мне. Я знал, что так будет.

– У меня не было выбора.

– Ну да. Иначе бы они тебя убили, верно? Те самые бесхребетные бараны, которых ты спасла.

Кара промолчала.

– Иди сюда, – сказал Сордус и подался вперёд, так что его плащ заколыхался у самого края каменного моста. – Всего один шаг. Зажмурься, если тебе так легче. Знаешь, сколько всего есть, чему я могу тебя научить? Ты думаешь, ты разбираешься в магии? Ты думаешь, ты постигла пределы своих возможностей? Ты ещё ничего не знаешь!

– Отпустите Тенепляску.

Сордус запнулся, растерялся, потом проследил направление взгляда Кары и посмотрел на кобылу. В горле у него насмешливо заклокотало.

– Ты дала имя той твари, что носит тебя на спине? Как это по-человечески!

– Она мой друг.

– Да я уж вижу.

Сордус запустил руку в складки плаща и раздвинул у себя на груди кожу, подобную коре. Рука зарылась глубоко-глубоко – на землю водопадом посыпалась земля и чёрная труха, – а потом ещё глубже. Он что-то искал.

И наконец достал одно-единственное чёрное семя и протянул его Каре.

– Ты можешь её спасти, – сказал он. – Этого твоего «друга». Просто проглоти его, и я её отпущу.

Семя нетерпеливо вибрировало в ветвистых пальцах.

Тафф дёрнул Кару за руку.

– Не надо, – сказал он. – Не делай этого.

– Не могу же я допустить, чтобы он замучил Тенепляску!

– Послушайся брата, – сказала Мэри. – Я видела, как это бывает. Проглотишь – и всё, ты навеки принадлежишь Лесному Демону.

Кара сделала шаг вперёд, к самому краю каменного моста. У самых носков её ботинок в земле копошились десятки червеобразных корней: вздымались, щупали воздух, готовые наброситься в тот же миг, как нога Кары коснётся земли. Плащ Сордуса взметнулся в воздух, и Кару накрыло волной чуждых запахов: гнилой пень, разбухший от влаги, прелая растительность со дна болота...

– Иди сюда, вексари, – сказал Сордус. – Больше я звать не стану.

– Не мучайте её! – сказала Кара. – Пожалуйста!

Сордус затолкал семя в глотку Тенепляске. Кобыла давилась и дрожала всем телом, но из рукава Сордусова плаща высунулась плеть плюща и зажала Тенепляске рот.

– Нет! – вскричала Кара и попыталась было кинуться на помощь Тенепляске, но не смогла вырваться из рук Мэри и Таффа, которые оттащили её от края моста.

Кобыла застыла совершенно неподвижно. Кара посмотрела ей в глаза и увидела, что жизнь в них дрогнула и угасла, будто пламя свечи, забытой у распахнутого окна. Пара секунд – и подруга Кары исчезла навеки.

И возникла новая жизнь.

Прекрасные буро-гнедые бока Тенепляски рассыпались, обнажив не кости, но скелет, составленный из переплетённых ветвей. На месте глаз распустились чёрные орхидеи. Тварь, что некогда была Тенепляской, взглянула на Кару, не узнавая. Глаза-цветы смотрели угрюмо и злобно. Лошадь заржала – негромко и сдавленно, так, будто рот у неё был забит землёй. Ветвеволки откликнулись таким же сдавленным воем. То не был голодный вой или яростный вой – это было намного хуже: вопль бесконечного страдания. Кара зажала Таффу уши, и он сам зажал уши руками поверх её ладоней, трясая головой.

Сордус повёл рукой, и всё стихло.

– Ты могла её спасти, – сказал он, оглаживая отрастающую на глазах гриву из рыжего плюща. – Но предпочла спасти себя. Возможно, мы с тобой не так уж сильно различаемся.

Каре хотелось разгневаться. Хотелось сказать ему, что это неправда. Но слова и чувства ничего не значили для Лесного Демона, тёмной силы, столь же неумолимой, как солнце, оставляющее мир во власти ночи.

«Рано или поздно он победит. Даже если бы моя магия была при мне, мне не по силам с ним бороться. Всё, что я могу – это бежать».

– Прощай, Тенепляска, – сказала Кара, заставив себя посмотреть в лошадиные глаза-орхидеи.

Она взяла Таффа за руку и принялась отступать назад. Мэри-Котелок уже исчезла во мраке на мосту.

– Ничего, всё в порядке, – говорила она Таффу. – Ему через мост не перейти. Мы в безопасности.

Но тут Сордус простёр свою ветвистую руку и указал в их сторону.

– Принесите мне девчонку, – велел он ветвеволкам, что собрались вокруг него. – Настолько живой, насколько получится. А с прочими поступайте как хотите.

3

Пятеро ветвеволков, что просочились на мост, поначалу выглядели несколько неуверенно, будто дети, учащиеся кататься на коньках. Кара воспользовалась этим, чтобы уйти подальше от них. Ей очень хотелось броситься бежать со всех ног, однако мост был узкий, и никаких перил, что могли бы помешать сорваться и улететь в бездну, на нём не было. К тому же, хоть Тафф и был проворен для своих лет, если бы Кара побежала быстрее, он бы за ней не угнался, а бросать его на растерзание ветвеволкам она не собиралась.

А ветвеволки тем временем наконец освоились и мало-помалу начали их нагонять. Сквозь грохот своего колотящегося сердца Кара слышала, как их когти цокают по камню всё ближе.

- Бежим! – воскликнула Кара.
- Я и так бегу!
- Бежим быстрее!

Она тянула Таффа за руку – так сильно, как только осмеливалась. Ведь если он споткнётся или упадёт, ветвеволки их тотчас догонят... Камни были еле видны под ногами, со всех сторон надвигалась тьма.

Внезапно Кара ощутила острую боль. Один ветвеволк – самый мелкий, но, видимо, и самый резвый из стаи, – прыгнул и схватил её за предплечье. При этом он потерял равновесие. Но почти тотчас же поднялся на ноги и прыгнул снова, изящно изогнувшись в воздухе. В самый последний момент Кара пнула его что было сил. Он оказался лёгким, как мешок, набитый листьями, и, приглушённо вякнув, отлетел назад вдоль моста, сбив с ног другого волка. Оба они рухнули с моста, раздался придушенный вой, а потом, много времени спустя, негромкий треск, будто от сучка, хрустнувшего под ногой.

Оставшиеся трое волков попятились, отступили, и на мосту сделалось тихо: даже дождь сменился тихой моросью.

– Сильно он тебя покусал? – спросил Тафф.

Кара покачала головой. Она чувствовала, как по руке ползёт струйка крови, но боль была не такой уж сильной – не сильнее, чем от укуса пчелы. Сейчас об этом стоило беспокоиться в последнюю очередь.

Они пошли дальше сквозь тьму, но уже медленней и спокойней. Потрескавшийся от времени мост заметно сузился. Наверно, в какие-нибудь старые времена эти камни были достаточно гладкими даже для того, чтобы проехать тут на телеге, но сейчас, с этими неровными трещинами, тут и пройти-то было нелегко.

Тафф отпустил Карину руку и заглянул вниз с моста.

– Интересно, тут высоко? – спросил он и поднял валяющийся на мосту камень.

– Тафф!

– Ну я же только проверить!

Он бросил камень с края моста. На секунду камень как будто завис в воздухе, потом какая-то извивающаяся тень унесла его прочь. Кара мельком успела увидеть нечто вроде глаза огромного левиафана, плывущего сквозь тьму, слишком огромного, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как камень у него на спине.

– Пошли дальше, – сказала Кара.

– Ага, пошли, – кивнул Тафф.

Вокруг стремительно темнело – видимо, солнце садилось. Кара представления не имела, далеко ли ещё конец моста – но если они не доберутся до него прежде, чем стемнеет, идти станет куда опаснее.

– А куда девалась Мэри-Котелок? – спросил Тафф.

– Она нас бросила, – ответила Кара. – Как и все остальные.

– Не знаю, не знаю, – сказал Тафф. – Может, она нас ждёт на том конце моста? Я думаю, она нарочно пошла вперёд, чтобы убедиться, что там всё в порядке.

– Тафф! Заруби себе на носу: помощи ждать не от кого. Надеяться нам не на кого, кроме как на себя самих.

– Неправда! Есть ведь и хорошие люди. Они нам помогут. Вот увидишь!

Кара вздохнула. «И как он может так думать после всего, через что мы прошли? После того, как все, кого он знал, обратились против него – даже папа?»

– Ну, может, оно и к лучшему, – сказала Кара. – Ты же знаешь, что про неё рассказывают, про эту Мэри-Котелок. Она ещё страшнее Сордуса!

– Нет... – ответил Тафф, и в голосе его звучала жуткая робость, которой Кара никогда раньше не слышала. – Страшнее Сордуса ничего быть не может.

Кара стиснула руку братишки. Сейчас она ненавидела Лесного Демона, как никогда в жизни.

До сих пор они почти бежали, сейчас перешли на ровный, размеренный шаг. Кара то и дело поглядывала под ноги, чтобы убедиться, что наступает на камень, а не в пустоту. И вот наконец Тафф воскликнул:

– Я вижу конец моста!

И тут они их догнали. С десятков ветвеволков, а может, и больше.

«Они не сбежали! Они вернулись за подкреплением!»

– Беги! – сказала Кара братишке. – Беги и не оглядывайся! Просто беги!

Тафф помчался вперёд и растворился во мраке. Кара надеялась, что он будет уже далеко к тому времени, как поймёт, что сестры рядом нет.

«Надо выиграть время. В конце концов, им нужна я! К тому же с двумя из этих волков я упрямилась без особого труда. Может, не такие уж они и страшные, как кажется».

Стая подбиралась всё ближе, пригнувшись к самой земле – будто ходячие скелеты, сложенные из веток вместо костей. В грудной клетке каждого чудовища бился комок чёрной глины.

«Может быть, раньше они были настоящими волками? Может быть, он их изуродовал, так же, как Тенепляску?»

И тут один из волков перемахнул через её голову, проехался по камням и ловко развернулся, отрезав ей путь. Этот волк был крупнее остальных, и две ветки, торчавшие на месте рёбер, у него были сломаны. Боевые шрамы...

Кара сделала шаг назад – и услышала у себя за спиной придушенный, как сквозь землю, рык. Ей не хотелось выпускать из виду вожака, но она всё же оглянулась через плечо – и увидела наступающих полукругом волков.

Ни вперёд, ни назад ей ходу не было. По обе стороны от неё зияла пустота.

Бежать было некуда.

Вожак, выгнув спину, выжидающе смотрел на неё. Вместо глаз у него были увядшие розы. Позади волка послышался шум борьбы, но кто с кем борется, в темноте видно не было.

– Отпусти меня, старая ведьма! – завопил Тафф. – Надо же ей помочь!

– Нет, – ответила Мэри-Котелок, обращаясь больше к Каре, чем к Таффу. – Она должна справиться сама.

После этого старуха умолкла, и хотя Таффу ещё было что сказать – включая некоторое количество слов, за которые дома, в Де-Норане, Кара непременно вымыла бы ему рот с мылом, – она перестала его слушать. Она сосредоточилась на вожаке стаи. «Пытаться вернуться туда, откуда мы пришли, нет смысла, – думала она, – на другом конце моста ждёт Сордус. Придётся каким-то образом миновать этого, здоровенного». Кара для виду дёрнулась вправо, а потом помчалась вперёд, рассчитывая, что сумеет проскользнуть мимо вожака. Волк стоял как вкопанный. Каре померещилось, будто листья в том месте, где была его пасть, раздвинулись в ухмылочке.

Потом волк прорычал что-то более зычное и гортанное, чем звуки, которые она слышала прежде. Поначалу Кара подумала было, будто он пытается что-то сказать ей, но потом она обернулась и увидела, что ещё один из волков крадётся за ней по пятам, постукивая по камням лапами-палками. Этот ветвеволк не был таким здоровенным, как вожак, но всё же и он выглядел свирепым, а на макушке у него торчал обломанный сучок, как будто рог.

«Они не собираются нападать на меня всей кучей, – подумала Кара. – Мост слишком узкий, они боятся свалиться».

Но едва она так подумала, как тут же поняла, что это неправда. Волки не боялись за свою жизнь, они боялись, как бы с ней что-нибудь не случилось: боялись того, что сделает их хозяин, если добыча испортится.

Сордус был для них страшнее смерти.

Кара огляделась в поисках хоть какого-нибудь оружия и нашла обломок камня с кирпич величиной, торчащий из щели моста.

Волки выжидающе притихли. Боец, которого избрал вожак стаи, опустил голову так низко, что коснулся земли сучком, торчащим у него на макушке, и ринулся вперёд.

Сперва Кара подумала было бросить в него камнем. Ветвеволк был полый и, скорее всего, весил меньше Таффа. Один хороший удар – и он разлетится в щепки. Но прежде чем она успела принять решение, боец уже взмыл в воздух, бросаясь на неё. Кара отступила в сторону, стараясь увернуться от «рога», но ветвеволк застал её врасплох: в последний момент он повернул голову и цапнул её за лодыжку.

Кара почувствовала, что подол платья сделался мокрым от крови. Она выдернула из ноги чёрный шип.

Боец не дал ей времени прийти в себя. На этот раз он с разбегу прокатился по каменному мосту и использовал инерцию, чтобы сбить Кару с ног. Волк встал над ней, лицо ей осыпало пригоршней чёрной земли. Не отводя глаз, Кара потянулась за оружием и нащупала что-то тяжёлое. Камень! Она с размаху огрела им чудовище по левой лапе. Ветвеволк взвыл от боли. По мосту разлетелись щепки. Боец упал, попытался было встать, снова упал. Кара вскочила на ноги, занесла камень – но у неё не хватило духу добить покалеченную тварь.

Тут послышалось негромкое позвякивание: это мешок Мэри колыхался из стороны в сторону. Старуха появилась из тьмы. Следом за ней шёл Тафф, волоча за собой слишком тяжёлую для него палку. Вместо того чтобы броситься на них, как ожидала Кара, вожак стаи опасливо подался прочь, прошмыгнув мимо Кары и присоединился к прочим волкам.

– Ты почему против них магию не используешь? – осведомилась Мэри.

– С магией я покончила.

– Хм-м, – ответила Мэри. – Даже и не знаю... А она с тобой?

Вожак заворчал, и двое новых волков выступили вперёд, навстречу Каре, смыкая и размыкая лепестки глаз.

– Они тебя не убьют, – сказала Мэри. – Просто порвут тебе мышцы на ногах и отволокут к своему хозяину. Если ты не начнёшь, наконец, вести себя как настоящая ведьма и не остановишь их.

Кара подумала о Лесном Демоне, что ждёт её на том конце моста. Он окутает её своим немислимо длинным плащом, затолкает её в глотку чёрное семя и превратит во что-то иное, чем она...

Мысль о том, чтобы снова использовать магию, пугала Кару. Однако мысль о том, чтобы сделаться одной из спутников и прислужников Сордуса, пугала намного сильнее.

– У меня же нет гримуара, – возразила Кара.

– Ну и что? Ты же вексари.

– А что такое...

– Не до уроков сейчас! – перебила Мэри. – Бери и колдуй!

– Но я...

– Колдуй, говорю!

Кара зажмурилась, сосредоточилась на том волке, что был прямо перед ней и подумала: «Прекрати немедленно! Оставь нас в покое!» Однако когда она открыла глаза, ветвеволк оказался на несколько шагов ближе. Слабую попытку его заколдовать он грубо проигнорировал. Кара попыталась было вспомнить заклинание из гримуара – ну хоть какое-нибудь! – но от слов, которые прежде приходили на ум сами собой, теперь в голове осталась невнятная каша. Кара припоминала отдельные звуки, но в каком порядке они звучали, было никак не вспомнить.

А волк наступал!

Кара бессильно охнула. Без гримуара колдовать невозможно – это всё равно как читать без слов!

– Нет, не могу! – сказала она.

– Пока не можешь, – согласилась Мэри. – Но что-то я всё же почувствовала. Что-то слабое, жалкое и незаметное, как будто котёнок пытается опрокинуть гору.

Старуха вздохнула и сбросила мешок себе под ноги.

– Ну что ж, видать, на этот раз придётся взяться самой.

Что-то бормоча себе под нос, Мэри развязала мешок и принялась рыться в нём, словно позабыв, какая опасность им грозит. Кара думала, что ветвеволки воспользуются случаем, чтобы наброситься на них, но они, наоборот, попятились назад, опасливо поглядывая на старуху.

«Они боятся, – подумала Кара. – Боятся Мэри... или того, что у неё в мешке!»

И вот наконец Мэри достала лампу с треснутым стеклом на рассохшейся и облезлой деревянной подставке, выкрашенной красной и голубой краской. Она сдула с неё слой пыли и аккуратно поставила лампу на камни.

– Так вы с ними вот этим сражаться будете? – спросил Тафф.

– А ты чего ожидал?

– Ну, я не знаю... Меч какой-нибудь...

Мэри только рукой махнула.

– Вечно эти мальчишки со своими мечами!

Она достала из мешка бумажный абажур. На бумаге были вырезаны какие-то причудливые фигуры, хотя в сумерках Кара не могла разобрать, что это такое.

«Лукас рассказывал о таких фонарях, – подумала она. – Они вращаются и отбрасывают на стену силуэты, соответствующие узорам, вырезанным на абажуре. Безделушка из Мира, для Де-Норана слишком волшебная».

Мэри надела абажур на лампу.

– Не беспокойтесь, – сказала она и отступила на несколько шагов. – Эта штукавина с ними быстро управится. Смотрите!

Ветвеволки постояли, подождали. Потом осмелели и снова принялись наступать. Тот, что был ближе всех к Каре, оскалился, демонстрируя полную пасть острых как бритва шипов и язык в пятнах чёрной плесени.

Тафф посмотрел на Мэри.

– А может, вы просто из ума выжили? Сумасшедшая бабка с полным мешком хлама...

Он сердито тряхнул головой.

– Тогда всё сходится.

Тафф обернулся к волкам и попытался вскинуть свою огромную дубину. Но куда там: он и от земли-то её оторвал с трудом. Выглядел он не страшнее ребёнка, жарящего маршмеллоу на палочке.

– Постойте-ка! – воскликнула Мэри и достала из складок плаща какой-то ключ. – Вот вечно я про него забываю!

Старуха с удивительным проворством вставила ключ в скважину на подставке лампы и трижды повернула.

Лампа принялась вращаться.

Кара слышала шум, подобный порыву ветра. Задрала голову, она увидела лучики вечернего солнца, проникающие сквозь щели в лесном пологе. Эти тоненькие ниточки света собирались во вращающиеся воронки и устремлялись вниз, прямо в крохотное отверстие наверху лампы. Лампа вращалась всё быстрее, крутилась волчком, вбирая в себя всё больше и больше света.

Внутри лампы, под абажуром, вспыхнул огонёк, и наконец сделалось видно, что же вырезано на бумаге. Кара ахнула. Лампа вращалась всё быстрее, превращаясь в размытое огненное пятно, и на фоне неба возник светящийся дракон, увеличенная копия того, что был вырезан на абажуре. То вспыхивая, то исчезая, он с ужасающим рёвом ринулся на ветвеволков. На мосту воцарилась какофония жалобных воплей и воя: твари обратились в бегство, и немало из них при этом свалились вниз.

Через несколько секунд дракон рассосался, оставив лишь облачко белого дыма. Лампа отряхнулась от лишнего солнечного света, как собака, выбравшаяся из речки, и со скрипом остановилась.

– Ну что, ты всё ещё хочешь себе меч? – спросила Мэри у Таффа.

Она сунула лампу обратно в мешок и завязала его туго-натуго.

4

Они шагали вслед за Мэри по узкой тропе, вдоль которой росли зловонные травы и ирисы, лепестки которых подозрительно напоминали человеческую кожу. Каре показалось, будто одно из деревьев наклонилось ближе к земле, как будто собиралось её схватить – но, возможно, то была всего лишь игра воображения. Тут уже трудно разобрать, что на самом деле, а что померещилось.

– Ваша лампа... – сказала Кара. – Я ещё никогда не видела подобной магии.

– Да ты и живёшь-то всего ничего.

– Во всех историях говорится, что вы всегда пользовались гримуаром.

При слове «гримуар» Мэри-Котелок передёрнуло так, будто Кара её ударила.

– Ну да, лампу я изготовила при помощи книги заклинаний. Но теперь она всего лишь инструмент, как и всё остальное в этом мешке.

Она трянула мешком.

– Ими может пользоваться практически кто угодно. Никакой магии для этого не требуется.

– А что там ещё у вас в мешке? – спросил Тафф.

– Игрушки.

Тафф просиял.

– Игрушки? Какие игрушки?

– Заколдованные.

– А что за...

– Тсс! – прошипела Мэри. – В этой части леса водится ужасное чудовище, которое питается мальчишками, задающими слишком много вопросов! Смотри, не разбуди его!

– Ну я же знаю, что это неправда! – проворчал Тафф, однако же умолк и молчал до тех пор, пока они не пришли в лагерь Мэри. Лагерь представлял собой всего лишь кострище да шалаш, сложенный из каких-то трухлявых ясеневых сучьев.

– Отдохните малость, – сказала Мэри. – Сордусу потребуется несколько дней пути, чтобы отыскать место, где он сумеет перебраться через пропасть. Ему, Лесному Демону, требуется почва, ему надо постоянно обеими ногами стоять на земле. Он не может ходить ни по камню – но это вы уже и сами знаете, – ни по воде. И верхом ездить он тоже не может.

– А почему? – спросил Тафф, но Мэри отмахнулась от вопроса, словно от назойливой мухи.

– Важно то, что путешествовать быстро Сордус не может. Это наше единственное преимущество.

Она помолчала, задумчиво покусывая костяшки пальцев.

– Могу поручиться, он попытается перекрыть нам путь в Брилле.

– А что такое «Брилль»? – спросил Тафф.

– Деревня такая.

– Что, в Чащобе есть деревни?!

Мэри улыбнулась в ответ, но не глядя в глаза мальчику, и ответила:

– Ну, вроде того.

Осмотрев Таффа – не ранен ли, – Кара приподняла подол платья, чтобы разглядеть укушенную ветвеволком лодыжку. Ткань, пропиталась кровью и прилипла к ноге, но сама рана оказалась неглубокой. Ничего, до свадьбы заживёт. А вот её бледно-зелёное платьице, увы, уже нет. Это было самое лучшее платье, какое Каре когда-либо доводилось носить: сюрприз, внезапный подарок от папы за три дня до того, как его возвели в должность фен-де.

Теперь платьице было изорвано в клочья, так что уж никак не зашьёшь...

«А это в самом деле папа подарил? – задумалась Кара. – Или он уже тогда был Тимофом Клэном?»

– Надо же, а сейчас светлее стало, чем было днём, – заметил Тафф. Кара задрала голову и посмотрела на полог леса. Ещё час назад сквозь сплетение ветвей местами пробивались отдельные лучи солнечного света: не такие уж яркие, но это хотя бы напоминало о том, что за пределами леса сейчас день. Сейчас в просветы меж ветвей смотрела ночь. И хотя, по идее, в Чащобе должно было сделаться ещё темнее, вокруг и в самом деле как-то посветлело благодаря тому, что всё светилось каким-то зеленоватым светом.

– А, это одна из причуд Чащобы, – ответила Мэри и пристроила над кострищем небольшой котелок. – Если приглядеться к вершинам, станет видно, что большая часть света исходит от самих листьев. Днём они вбирают солнечный свет, а ночью его испускают.

– Днём тут ночь, а ночью день, – сказала Кара. – Всё шиворот-навыворот.

– Ну, можно и так сказать... – ответила Мэри.

Пока Мэри разогревала похлёбку, остававшуюся на дне котелка, Тафф пошёл набрать воды из мелкого ручейка, что журчал неподалёку. Кара его предупредила, чтобы он не терялся из виду, и Тафф что-то невнятно буркнул в ответ – ладно, мол.

Наконец-то Кара осталась наедине с ведьмой.

На языке у неё вертелось столько вопросов! «А всё, что про вас рассказывают, – это правда? А вы не знаете, для чего Сордус так стремится меня заполучить? А что умеют остальные вещи у вас в мешке?» Однако Кару окутала тёплая усталость, и она решила пока что задать всего один вопрос, тот единственный, который был действительно важен и ждать не мог:

– Как мне вытащить брата из этого места?

Мэри помешивала в котелке, прикрыв глаза. Кара бы решила, что старуха задремала, если бы не равномерные движения деревянного половника.

– Тем путём, каким вы пришли, вам не выбраться, – ответила наконец Мэри. – Сордус не пустит.

– Должны же быть и другие?

Мэри-Котелок медленно кивнула седой головой.

– Мне известна всего одна дорога, которая ведёт прочь из Чащобы, – произнесла она. – Мне говорили, что там даже есть корабль. Остался от злополучной исследовательской экспедиции.

– А это далеко? – спросила Кара.

Старуха взглянула разочарованно.

– Деточка, если собираешься выжить в этом месте, научись задавать правильные вопросы.

Кара немного поразмыслила и спросила:

– Эта дорога... Отчего Сордус оставил её открытой?

– А она не то чтобы открыта. Она тоже перекрыта, просто на иной лад. Видишь ли, в конце этой дороги караулит некий страж, и мне кажется, что Сордус нарочно забавляется, подкармливая её, точно ручное животное. Зовут её Имоджин – по крайней мере, так её звали, пока она ещё была человеком.

– А теперь она кто? – спросила Кара.

– Злобный и алчный зверь, растерявший все остатки человечности.

– Она что, людей ест?

– По-своему – да.

Мэри прекратила помешивать в котелке и попробовала с ложки похлёбку. Пола плаща съехала вниз, и Кара увидела всю её руку, оплетённую синими венами.

– Ну, может, мы сумеем пробраться мимо неё тайком.

– Это невозможно, – ответила Мэри и посыпала булькающее варево каким-то порошком из кисета, который достала из-под плаща. – Но если ты наберёшься терпения и как следует обучишься магии, ты, может, и сумеешь подчинить её своей воле. Короче говоря, на данный момент Имоджин не более чем чудовище, и, насколько я понимаю, повелевать подобными существами как раз входит в область твоих дарований.

– А вы откуда знаете?

Старуха улыбнулась, глаза у неё сверкнули ребячьим лукавством.

– Я уже давно не покидала Чащобы – очень, очень давно! – однако же у меня есть свои способы узнавать о том, что творится за её пределами. В конце концов, должны же быть у проницательной старухи свои маленькие радости!

Её лицо снова сделалось серьёзным.

– Но в чём бы ни состоял твой дар, тебе придётся сперва научиться как следует им пользоваться, прежде чем встретиться с таким существом, как Имоджин. Ведь гримуара, который поможет выиграть эту битву, у тебя не будет.

Каре вовсе не улыбалось снова обращаться к магии, но раз это единственный способ выбраться из Чащобы, видимо, другого выхода нет...

– Так вы думаете, я и в самом деле смогу пользоваться магией без помощи книги заклинаний? – спросила она.

– Твой первый урок завтра. Начнём с чего попроще, а там поглядим. Но на месте сидеть нам нельзя. Сордус, конечно, отстаёт от нас на пару дней, однако он не успокоится, пока не отыщет тебя.

– Вы серьёзно рискуете ради нас. Спасибо вам большое!

Мэри ничего не ответила и молча помешивала похлёбку, пока не вернулся Тафф, волочащий по земле полное ведро воды.

– Ты решил пролить больше, чем мы выпьем? – поддела его Мэри, отбирая у мальчика ведро.

Она разлила похлёбку по глиняным мискам, и все жадно принялись есть. На вкус похлёбка оказалась непривычная, Кара никогда не пробовала ничего подобного. А пока они ели, Мэри рассказывала ей о травах и съедобных растениях, какие водятся только в Чащобе.

– И ещё я туда драмала покрошила, – говорила Мэри. – Только вчера поймала. Большинство людей драмалов не едят, очень уж они воняют, когда их режешь. Но, по-моему, потроха у них на вкус вполне себе ничего.

– А кто такой дра... – начал было Тафф, но Кара его одёрнула, сказав, что им, возможно, лучше этого не знать.

Пужинав, Кара сходила на ручей помыть посуду. К тому времени, как она вернулась, Тафф уже спал без задних ног. Кара укрыла братишку одеялом и поцеловала в лобик. Он как-то повзрослел за сегодня – не от времени, от испытаний.

Мэри сидела у кострища, подбрасывая в костёр хворост. Кара зевнула в ладошку. Веки вдруг отяжелели.

– Устала? – спросила Мэри.

Кара кивнула.

– А вы?

– Да я-то всё время усталая. Просто я спать не люблю. Всё время кошмары снятся.

Она затравленным взглядом смотрела на угасающее пламя.

– Ну, наверно, после всего, что я натворила, это ещё невеликая плата.

«После всего, что я натворила...»

Кара нервно сглотнула. Старуха так много для них сделала – нетрудно было и позабыть, что это та самая Мэри-Котелок. А ведь Кара столько про неё наслушалась – особенно на празднике Теней! Дети у них в деревне даже песенку сложили:

Убегай со всех ног!

Видишь – Мэри-Котелок?

Имя ты отдашь котлу

И навек пойдёшь ко дну!

– То, о чём рассказывают – это просто сказки, – сказала Кара. – Вон, обо мне сколько гадостей наговорили! Это же не значит, что всё это правда.

– Ну, иной раз люди и привирают, – сказала Мэри. Она подалась вперёд, её серые глаза сверкнули в свете костра. – Но что до меня, всё, о чём ты слышала, – чистая правда! Все эти невообразимые ужасы случились на самом деле, именно так, как рассказывают плетельщики баек. Заруби это себе на носу, Кара Вестфолл!

Несмотря на тепло от костра, Кара вдруг похолодела. И далеко не сразу она набралась мужества, чтобы заговорить снова.

– Но если вы в самом деле такая злая, как рассказывают люди, – спросила она срывающимся голосом, – тогда отчего же вы нам помогаете?

Мэри пожевала нижнюю губу.

– Тут, в Чашобе, не так уж часто выпадает случай искупить свою вину. Другого может и не представиться. Я вам необходима, без меня вам не выжить, но и вы мне тоже нужны. Я понимаю, что выровнять весы уже не получится, поздно. Но, быть может, если я сумею хоть чуть-чуть уравновесить всё то зло, которое я совершила, я обрету нечто вроде...

Старуха умолкла на полуслове, покачала головой.

– Тебе сколько лет-то, четырнадцать?

– Мне двенадцать.

– Рослая ты для своих лет.

– Да, мне говорили.

– Как бы то ни было, ты ещё слишком мала, чтобы понимать такие вещи.

Вереница образов промелькнула перед мысленным взором Кары. Лицо Саймона Лодера, распухшее от укусов. Прозрачно-голубые глаза Грейс, проваливающейся в бездны гримуара...

– Да всё я понимаю, – сказала Кара.

Мэри-Котелок открыла было рот, словно собиралась возразить, потом посмотрела в тёмные Карины глаза и кивнула. Она сунула руку в боковой карман, достала прозрачный пузырёк и выплеснула его содержимое в огонь. Костёр на миг полыхнул серебром, а потом разгорелся ярким, тёплым пламенем.

Кара зевнула, заворожённая пляской костра, убежищем от надвигающейся тьмы.

– Теперь до утра гореть будет, – сказала Мэри. – На всякий случай, чтоб ты знала, возможно, утром меня тут не будет. По крайней мере, не в таком виде, как сейчас.

Кара хотела было спросить, что она имеет в виду, но провалилась в сон.

Каре редко снились сны, но когда она что-то видела во сне, обычно это бывала мама. И в основном обрывочные образы: как мама оттирает Каре ногти дочиста после того, как они целый день собирали травы на Опушке; как мама заталкивает бальзам в пораненный нос телёнка, одновременно нашёптывая ему на ухо свою песенку. Или просто мамино лицо. Кара изо всех сил старалась удержать в памяти её черты, борясь с наступающим днём, когда она снова забудет, как выглядела Хелена Вестфолл.

Однако в ту ночь Каре приснилась не мама.

Ей приснился папа.

Папа шёл через поле, которого она никогда не видела. Земля была уже вспахана и готова к севу. Борода у папы была аккуратно подстрижена, на голове красовалась чёрная шляпа, которую он всё время носил, пока мама была жива. И по тому, как он держался, Кара поняла, что это её настоящий папа, а не Тимоф Клэн. Ей так захотелось кинуться к нему в объятия, вдохнуть привычные фермерские запахи земли и кофе...

Папа наклонился, взял горсть земли, дал ей высыпаться сквозь пальцы, пристально наблюдая, как она падает вниз. Погладил бороду, достал из внутреннего кармана чёрный кисет, встряхнул его на ладони. Внутри загремело.

Сон кончился.

* * *

Проснулась Кара от стука мечей.

Дождь перестал, но призрачное зелёное свечение угасло: листья лесного полога израсходовали весь накопленный свет, и теперь им требовались солнечные лучи, чтобы пополнить запасы. А пока Мэри расставила вокруг лагеря десяток пылающих факелов.

– Ага, я тебя достал! – воскликнул Тафф. – У меня уже лучше выходит!

– Ага, ну да, – отвечал девчоночий голос. – Я преклоняюсь перед твоим мастерством!

Кариным глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к свету, но, приглядевшись, она увидела Таффа и какую-то девочку лет одиннадцати. Девочка с Таффом фехтовали на деревянных мечях, пронзительный взгляд девочкиных серых глаз ловил каждое движение Таффа. Мальчик замахнулся мечом – и она увернулась с кошачьей грацией.

– Почти достал! – воскликнул Тафф.

Девочка обернулась к Каре.

– Обрати внимание на это слово «почти»! – сказала она. – Существенное различие, а?

Каре показалось, что в девочке есть что-то знакомое. Особенно вот эти глаза, пустые и невыразительные, будто камень. И тут она вспомнила то, что было сказано ей перед тем, как она уснула: «Возможно, утром меня тут не будет. По крайней мере, не в таком виде, как сейчас».

«Не может быть...»

Девочка увернулась от очередного Таффова удара, непринуждённо обогнула его и шлёпнула по заднице.

– Эй! – воскликнул Тафф. Уши у него покраснели.

– А что, было бы лучше, если бы я ударила тебя по руке, в которой ты держишь меч? Думаешь, это добавило бы ей ловкости?

Тафф, кряхтя от напряжения, развернулся и принялся наобум размахивать деревянным мечом. Он начинал злиться, и от этого утратил осторожность.

– Не теряй равновесия, – говорила девочка, уворачиваясь от ударов, – руки не опускай! Что-то у тебя вид усталый.

– Потому что я устал!

– Ну и ладно. Не показывай этого. Главное – не терять лица.

Тафф опустил меч, и девочка, вместо того чтобы вернуться, отбила удар своим оружием. Стук дерева о дерево гулко разнёсся по лесу. Ветки дрогнули: целая стая трёхкрылых птиц взвилась и кругами ушла в небо.

Тафф вскрикнул от боли и выронил меч. Он принялся растирать левый локоть. Рука у него бессильно повисла.

– Это что, такой убогий способ сдаваться? – спросила девочка.

– По-моему, на сегодня хватит, – вмешалась Кара. – А то вы так покалечитесь.

Тафф закатил глаза.

– Да нет, Кара, мы же просто играем!

– Угу, – сказала девочка. – Ты неплохо справляешься. Для такого, как ты.

– Что значит «для такого, как я»? – осведомился Тафф.

– То и значит.

Девочка опустилась на колени рядом с ведром, зачерпнула воды, протянула чашку Таффу.

– На, попей. Рука ныть перестанет.

Она отступила на шаг, смерила его взглядом.

– И лучше забудь про меч. Ты никогда не станешь достаточно крупным, чтобы владеть мечом.

– Мне ещё расти и расти, знаешь ли!

– Если ты видишь стебель розы, придёт ли тебе в голову, что из неё вырастет дуб?

Она подняла его руку, провела ладонью вдоль спины.

– Запястья тонкие, плечи покатые... Ты не рассчитан на большой рост.

Она взяла его за подбородок, подняла голову так, чтобы встретиться с ним глазами.

– И к тому же сердце у тебя мягкое. Неподходящее свойство, если ты считаешь то и дело тыкать людей мечом в грудь.

Тут Кара перебила её.

– Вы можете менять свой возраст! – сказала она.

Девочка кивнула, подобрала Таффов меч, достала перочинный ножик и принялась аккуратно состругивать получившиеся зазубрины.

– Хорошо, что ты так быстро это сообразила, – сказала Мэри-Котелок. – Такая готовность принимать невозможное тебе очень пригодится в ближайшем будущем. Однако сказать, что я «могу менять» свой возраст, было бы не совсем верно. Это не то, чем я способна управлять. Мои годы – штука ненадёжная, они текут и ускользают во сне. Я сама не знаю, на сколько лет помолодею, когда проснусь. Или постарею.

– Но как же такое может быть? – спросила Кара.

– Это долгая история, – ответила Мэри, – и её лучше оставить до другого раза. А сейчас нам пора в путь.

Она протянула меч Таффу.

– Ты проворный, – сказала она. – Это хорошо.

Тафф просиял.

– Фехтовальщику надо быть проворным!

– Да нет, ты не понял. Я имею в виду, что ты всегда можешь убежать.

– Я не хочу убежать! Я хочу сражаться!

– Нет, – сказала Мэри. – По-моему, для этого ты слишком умный. По глазам вижу. Блестящий ум.

Кара обняла Таффа за плечи.

– Дома, в Де-Норане, школьная учительница говорила, что не поспевает его учить. И что ему бы очень не помешал полный корабль книг из Мира.

Мэри пристально посмотрела на Таффа. Хоть она и выглядела как ребёнок, но в старческих глазах была видна мудрость.

– Может, это и будет твоим оружием, – сказала она.

Тафф это, похоже, не убедило.

– Что, ум, что ли? – переспросил он. – Да как же им сражаться-то?

– Ну, раз ты спрашиваешь о таких вещах, видимо, я ошиблась. Можешь продолжать и дальше упражняться с мечом, хотя толку из этого не выйдет. Ну, а сейчас пора собирать лагерь.

Тафф сунул деревянный меч в шлёвку для ремня на своих замызганных брючках.

– А куда мы идём? – спросил он.

– Я поведу вас той дорогой, что ведёт прочь из Чашобы. Путь этот долгий, но отчасти оно и к лучшему. Тебе, Кара, потребуется время, чтобы научиться всему, чему надо. Только тогда у тебя будет шанс совладать с Имоджин. Но пока у нас есть другая, более насущная проблема.

Мэри присела на корточки рядом со своим мешком, порылась в нём и извлекла наружу самую обыкновенную рогатку. Она понизила голос, так, чтобы слышно было только им:

– За нами следят. Идёмте, ребятки. Пора на охоту!

5

Они пробрались вдоль гребня холма, нависающего над каменным мостом, по которому они пришли сюда накануне вечером, и повернули на север, сквозь заросли деревьев с чёрными листьями. Пышный моховой ковёр приглушал их шаги.

– Это Сордус, да? – спросил Тафф. – Это он за нами следит?

– Ну что ты мелешь? – сказала Мэри. – Сордус только через несколько дней доберётся до конца этого ущелья и сможет через него перебраться. Я же вам говорила...

– Да, я помню, ему нужно всё время стоять обеими ногами на земле, – сказал Тафф. – Но почему?

– Неужели так важно, почему? – спросила Мэри.

– Мне вот важно! – воскликнул Тафф.

– Странно, странно, – сказала Мэри. – Мы тут в Чащобе живём проще: живы – и на том спасибо. Но я отвечу на твой вопрос. Под ногами у него – сеть корней, что привязывают его к Чащобе. Они тянутся из земли, предоставляя ему достаточно свободы, чтобы перемещаться, но никогда не обрываются полностью, иначе его тело увянет и умрёт. Он в той же степени часть Чащобы, что и вот эти деревья. И он, как и они, здесь в плену и мечтает вырваться на волю. Теперь, после стольких лет, это единственное, что имеет для него значение.

Мэри вздохнула, бросила взгляд на движущиеся тени по ту сторону пропасти.

– Тут ведь не всегда было так, знаете ли. Некогда моряки слагали песни о том, как прекрасен этот остров. Но потом явился Сордус, и Чащоба, точно зараза, расползлась от берега до берега. Только Де-Норан и остался нетронутым.

– У нас в деревне – своя зараза, – заметила Кара. – И к тому же мне кажется, что красоту можно найти в чём угодно, если приглядеться внимательно. Даже тут.

– Может быть, – ответила Мэри, – только вот красота эта мрачная и больная.

Слева от них торчала купа побуревшего, поникшего папоротника. «Вот у нас в Де-Норане, – подумала Кара, – этот папоротник был бы ярко-зелёным!» Но тут палитра была ограничена всеми оттенками чёрного, бурого и серого. И запахов, которые Кара привыкла ассоциировать с лесом в Де-Норане: аромат разогретой хвои, влажной земли, душистые лесные цветы – всего этого тут не было и в помине. Зато повсюду пахло гнилью и плесенью. Чащоба выглядела как лес, которому недостает чего-то очень важного – словно человек с улыбкой на лице, говорящий вроде бы все нужные слова, но с зияющей дырой на месте сердца.

«Мрачная, больная красота».

В папоротнике зашуршало.

Мэри молниеносно развернулась на звук и прицелилась из рогатки. И застыла в ожидании, натянув двумя пальцами пустой кармашек-кожетонок.

– Ты зарядить забыла! – шёпотом подсказал Тафф. – Давай камушек найду!

– Мне не надо, – ответила Мэри.

Она развернулась в сторону ближайшего дерева и выстрелила. Раздалось негромкое жужжание, крупная ветка сломалась пополам и рухнула на землю.

Мэри снова прицелилась из рогатки в прежнюю сторону, не обращая внимания на ошарашенного Таффа.

– Она волшебная, да? – спросил мальчик.

– Ну да.

Тафф расплылся в улыбке.

– А можно стрельнуть?

– Нельзя, – отрезала Мэри. Она обернулась к Каре и кивнула в сторону папоротника. – Пошеруди-ка там.

Кара подобрала длинную палку и потыкала в заросли. Ничего не произошло. Она услышала, как Мэри ещё туже натянула рогатку.

– Давай ещё!

Кара шарахнулась назад: что-то пятиногое, поросшее чёрными поганками, вырвалось из подлеска, яростно клацая зубами. Мэри прицелилась в тварюгу, помедлила и опустила рогатку. Тварь умчалась в лес.

– Это не тот, кто за нами следит! – шёпотом объяснила Мэри. – Я хотела было его всё равно подстрелить на ужин, но не знаю, придётся ли вам по вкусу швокрыс. Это мясо всё-таки привычки требует, и к тому же быстро портится. Не самая удачная добыча для утренней охоты. И к тому же он порченый, я таких стараюсь не есть.

Мэри перехватила непонимающий взгляд Кары и пояснила:

– Ну, поганки на нём чёрные, видела? Многие растения и животные Чащобы отравлены Сордусовым злом, вот и это существо тоже им заражено. Может, съело что-нибудь не то, может, оцарапалось мимоходом... Что угодно может быть.

– И оно теперь умрёт? – спросила Кара.

– Нет. Физически оно никогда не чувствовало себя лучше, чем теперь. Но... Ты веришь, что у животных есть душа?

– А как же!

– Ну так вот, у этого её нет. Была, а теперь нету.

Они пошли дальше, перешли бугорок, поросший клейкой травой, которая облепила Каре ботинки, миновали валун, весь изрытый какими-то ямками, как будто кто-то пытался накопать в нём норку. По дороге Кара то и дело замечала животных, попискивающих в подлеске или прыгающих с ветки на ветку. И многие были изуродованы тошнотворно-жёлтой плесенью или увядшими цветами.

«Я не единственная, кого он мучает, – думала Кара. – Всё, к чему он прикасается, заболевает».

– Эта тропа ведёт вон на тот холм, – сказала Мэри. – На вершине холма и сидел тот соглядатай, что следил за нами. Я надеюсь застать его врасплох, однако велика вероятность, что его давно и след простыл. С другой стороны, возможно, тот, с кем мы имеем дело, даже и не человек.

Она кивнула в сторону Кары.

– Чуешь что-нибудь?

– Я? – переспросила Кара.

– Ты, вексари! Ты!

– Опять это слово! Я даже не понимаю, что оно значит.

Мэри закрыла лицо руками.

– Ох, прости! Иногда я забываю, как мало ты знаешь. Девочки с ведьминским даром встречаются довольно редко, но на тысячу ведьм попадает всего одна вексари. Та, кому не нужен гримуар, чтобы творить заклинания.

– Да, но я-то без гримуара не могу! Я никогда не колдовала без книги.

– Не будь так уверена. Лично я подозреваю, что ты годами приколдовывала, даже не подозревая об этом. Понимаешь, вексари многим отличаются от прочих ведьм. Они не привязаны к гримуару – хотя, конечно, могут колдовать и с гримуаром, – и их магия более узконаправленная. Некоторые вексари могут повелевать погодой. Некоторые – творить иллюзии. Твой дар связан с животными – хотя он может ещё развиваться, когда твоё могущество будет расти.

Кара поразмыслила.

– Я думаю, вы правы, но только отчасти, – сказала она. – Любое колдовство, к которому я когда-либо прибегала, так или иначе было связано с живыми существами – пожалуй, это верно. Я всегда умела каким-то образом... общаться с ними, ещё с раннего детства. Но ведь именно гримуар превратил эту связь в магическую! Сама по себе я не могу просто махнуть рукой и заставить животное делать всё, что я захочу.

Мэри-Котелок бросила на Кару тот взгляд, который школьные учителя приберегают для самых тупых учеников.

– А ты хоть пробовала?

Кара уже собиралась было ответить, как вдруг вмешался Тафф:

– А помнишь, как бедная Тенепляска примчалась нам на помощь?

Ещё бы не помнить! Ещё немного – и деревенские, натравленные Тимофом Клэном, их бы догнали. И тогда Кара мысленно призвала кобылу, и Тенепляска просто взяла и появилась.

– Это уж точно была магия, а ведь гримуара у тебя не было!

– Да, ты можешь использовать гримуар, но ты в нём не нуждаешься, – продолжала Мэри. – Если речь идёт о животных, ты можешь и без него. Это твой особый дар. Это и есть подлинная магия, не та, что похищена со страниц книги заклинаний. Тебе придётся научиться ею владеть. Это будет непросто.

– Всё что угодно лучше, чем пользоваться гримуаром! – сказала Кара.

Старческие глаза Мэри-Котелок жалостливо сощурились.

– Бедняжка! – сказала она. – Ты и в самом деле ничего ещё не знаешь.

* * *

Меньше чем через час они поднялись на вершину высокого холма, откуда открывался отличный вид во все стороны. Этот холм напомнил Каре то место, где она часто встречалась со своим другом Лукасом во время обеда.

«Лукас сейчас, наверно, уже на Большой земле, – подумала она. И на губах у неё появилась слабая улыбка. – Ну, хоть кто-то из нас в безопасности!»

Мэри-Котелок беззвучно, так чтобы ни одна веточка не треснула, ни один листок не зашелестел, подобралась к обрыву и свесилась вниз.

– Он следил за нами с вон того дерева! – шёпотом сказала она.

– А ты откуда знаешь? – спросил Тафф.

– Поживёшь с моё в Чащобе – научишься чутя такие вещи. Иначе тут не выжить. Я так думаю, это сам Сордус отправил его за нами шпионить.

– А кто это? – спросила Кара.

– Я-то думала, это ты мне скажешь. А заодно скажешь и где он, чтоб два раза не вставать.

– Но... но даже если я могу колдовать без гримуара, я же не знаю как!

– И я тоже не знаю, детка. Не забывай, я-то ведь обычная ведьма... хотя, конечно, я не просто обычная ведьма, а ведьма, малость повидавшая Мир. Я читала множество запретных книг и говорила со многими, кто намного старше и мудрее меня. Говорят, мол, знание сила, и это чистая правда.

Опершись на локоть, она обернулась к Каре.

– Могущество вексари – это её личное свойство, продолжение того, кто она есть. Она или он: это гримуарами могут пользоваться только женщины, а вексари может быть любого пола. Колдует каждый по-своему, но первый шаг всегда один и тот же.

Она потеряла себя за мочку уха.

– Слушать! Что именно ты слушаешь – зависит от ведьмы, однако в твоём случае это...

– Животные, – сказала Кара.

– Вот именно. Прежде, чем повелевать животным, тебе нужно осознать его существование. Его сущность.

– Я, кажется, не понимаю...

– Я тебя прошу об одном: слушай внимательно. Только и всего. Прислушивайся к тому, что способна услышать только ты. Это твой первый урок.

В голове у Кары вертелись десятки вопросов, однако она отмахнулась от них и сосредоточилась на звуках утренней Чащобы. Скрип сучьев, шелест ветвей. Ветер, свистящий среди узловатых стволов. И другие звуки, менее заметные. Капелька воды, падающая с круглобокого камня в лужицу под ним. Потрескивание листочка под суставчатыми лапками жука...

– Я ничего не слышу, – сказала Кара.

– Странно! – хмыкнула Мэри. – Даже я, и то много всего слышу, а ведь я-то не вексари!

– Ну, я имею в виду, ничего из ряда вон...

Мэри прижала палец к губам.

– Тсс! – прошипела она. – Прислушайся ещё раз, да повнимательней! Слушай звуки, что прячутся за другими звуками!

– Звуки, что прячутся за звуками, – повторила Кара и кивнула, будто всё поняла.

«А может, Тафф и прав, – подумала она. – Может, она просто сумасшедшая бабка».

Тем не менее она крепко зажмурилась и стала прислушиваться изо всех сил. Несколько минут она больше ничего не слышала. Но потом Кара и в самом деле услышала нечто иное: как будто что-то скребётся за стеной слышимых шумов. Сдавлив виски кончиками пальцев, Кара

заставила обыденные звуки заглухнуть, отбросила их прочь, словно кожу и кости, обнажив сокровенное сердцебиение Чащобы.

БЕЖАТЬ!

СКРЫТЬСЯ!

ЕСТЬ!

СПАТЬ!

Эти голоса налетели на неё со ста сторон одновременно, от насекомых, от птиц, от невиданных зверей, налетели и закружились в голове, становясь всё оглушительнее.

– Ну, что ты слышишь? – спросила Мэри. Её голос сделался далёким на фоне прочих звуков, будто шаги в бурю.

– Мысли, – ответила Кара, но тут же мотнула головой. – Хотя нет. Не так. Не мысли, скорее... потребности.

Мэри кивнула.

– Ну да. Это простые существа. А ты чего ожидала?

Теперь Кара вслушалась внимательней. Тут было что-то ещё. Подводное течение боли. Страданий.

– Им плохо, – сказала она. – Очень многие больны. Мучаются. Как тот швокрыс.

– Сосредоточься, Кара! Должен быть кто-то, чьи потребности отличаются от прочих. Можешь ты его отыскать?

– Ну, попробую, – сказала Кара.

Однако обнаружить отдельную, непохожую на другие потребность оказалось невозможным – всё равно что обнаружить отдельную каплю воды в океанских глубинах. Вместо этого Кара приглушила группы похожих звуков – не то чтобы заставила их умолкнуть, но как бы отстранилась от них, так что они превратились в шепотки. И вскоре осталось лишь несколько разрозненных мыслей, включая ту, что выделялась среди прочих как отдельный разум.

«Следить! – думал он. – Ждать!»

Как только Кара нащупала разум животного, отследить, откуда исходят эти мысли, оказалось на удивление просто.

– Вон там, – сказала она, указывая на ветку, особенно густо поросшую пурпурной листвой. Далеко под ней виднелся их лагерь. Все свои припасы они оставили на месте, чтобы соглядатай знал, что они вернутся, и остался караулить.

Мэри встала на колени и натянула рогатку.

– А надо ли? – спросила Кара.

– Если его не подстрелить, он так и будет нас преследовать и докладывать Сордусу обо всех наших передвижениях. Тогда Сордусу будет намного проще нас найти.

Мэри натянула рогатку ещё сильнее, морщась от напряжения.

– Эх, ну почему мне сегодня не двадцать три? В двадцать три-то я бью без промаха!

Кара услышала, как дыхание Мэри замедлилось: ведьма целилась. И в этот самый момент порыв ветра раздвинул пурпурную листву, и она увидела сложенные крылья и густо-синий, как полуночное небо, ком перьев.

Кара в тот же миг узнала одноглазую птицу.

– Стой! – завопила она. Девочка кинулась на Мэри-Котелок, собираясь выбить рогатку у неё из рук, но было поздно. Мэри отпустила резинку, и невидимый камень с жужжанием улетел прочь.

– Не-ет! – завопила Кара.

Она съежилась, предвидя крик боли и шелест листьев, когда убитая одноглазая птица камнем упадёт на землю. Вместо этого в стволе дерева, справа от предполагаемой мишени, появилась здоровенная трещина.

– Ты мне прицел сбила! – воскликнула Мэри.

Одноглазая птица устала на Кару, нимало не взволнованная тем, что только что побывала на волосок от смерти. Её единственный глаз вспыхнул лесной зеленью.

«Спасибо!»

Эти цвета были языком птицы, и Кара превосходно его понимала.

– Это мой друг, – сказала она, заставив Мэри опустить рогатку. Другой рукой Кара потянулась к медальону с изображением ракушки, который носила на шее. Она вспомнила, как одноглазая птица похитила у неё этот медальон, заставив Кару впервые войти в Чашобу.

– Друг?! – переспросила Мэри. – Да это же Наблюдатель! Они водятся по всей Чашобе – мы называем их «глазами Лесного Демона». Это шпион! Он для этого и существует.

– Только не эта птица, – ответила Кара. – Она особенная.

Одноглазая птица подлетела и села на соседний валун. Глаз у неё в глазнице завертелся, меняя цвета один за другим, пока не сделался тёмно-коричневым, цвета крепко заваренного чая.

«Друг. Не враг».

– Знаю, знаю, – ответила Кара. – Мне можешь ничего не доказывать. Так вот ты кто, значит? Наблюдатель?

Глаз провернулся, сделавшись оранжевым.

«Да».

– Всё понятно, – улыбнулась Кара. – Так и буду тебя звать – «Наблюдатель», если, конечно, ты не против. Надо же мне как-то тебя называть, а это имя ничем не хуже любого другого.

– Ты что, можешь разговаривать с этой тварью? – спросила Мэри.

– Ну конечно! – ответил Тафф, закатив глаза. – Она же виксури!

– Вексари, – поправила Мэри.

– Я же так и сказал!

Кара опустила на колени, чтобы её глаза оказались на одном уровне с птицей.

– Так тебя Сордус послал за нами шпионить? – спросила она.

Глаз Наблюдателя сделался оранжевым.

«Да».

– Ты должен ему рассказывать, где мы находимся, верно? Чтобы он мог нас найти?

«Да».

– Но ведь ты не станешь этого делать, верно?

Птица ненадолго замялась, прежде чем цвет глаза сменился на новый. Кара чувствовала, что Наблюдатель принимает решение. Стоит ему решиться, как всё изменится, и пути назад уже не будет.

Красный.

«Нет».

Кара через плечо посмотрела на Мэри.

– Сордус рассчитывает, что Наблюдатель ему помогает, но он больше не будет. Он будет помогать нам.

– Отчего ты в этом так уверена?

– Он уже помогал мне раньше. Я ему доверяю.

Мэри выглядела как девчонка, но вздохнула хрипло, по-стариковски.

– Ну ладно, – промолвила она и обернулась к птице. – И где же Сордус теперь?

Глаз Наблюдателя завертелся снова. На этот раз он сделался белым, с голубоватым пятнышком справа.

– Он приближается с востока, – ответила Кара.

Лицо у Мэри сделалось удивлённым. «Она думала, что Сордус где-то ещё, – сказала себе Кара. – Может быть, она, сама того не зная, вела нас навстречу ему».

– Ты этому существу точно доверяешь? – спросила Мэри.

– Абсолютно, – ответила Кара.

– Значит, Сордус уже нашёл, где переправиться, и движется обратно в нашу сторону.

Он доберётся сюда меньше чем через сутки. Придётся идти напрямиком на север – на это он не рассчитывает. Туда никто не ходит.

– Почему? – спросил Тафф.

– Сам увидишь.

Глаз Наблюдателя стремительно завертелся в глазнице, последовательно остановившись на нескольких цветах.

«Нужно. Девочка. Ведьма. Помощь».

– Тебе нужна моя помощь? – переспросила Кара. Она пригляделась к птице. – Ты что, ранен?

«Друзья. Лес. Больно».

– Ты о том, что творит Сордус? – спросила Кара. – О той болезни, которая заражает животных?

«Да».

Кара кивнула. Наблюдатель рассказал – точнее, показал – ей всю правду о её матери, подарил ей надежду, когда она её потеряла. Так что если есть способ отплатить птице добром за добро, она это сделает.

– И чего ты от меня хочешь? – спросила Кара.

Наблюдатель зажмурил свой глаз. Когда глаз снова открылся, он был грязно-коричневым, как кладбищенская земля, раскисшая после ливня.

«Убить Сордуса».

Кара замотала головой.

– Но я же не могу! – прошептала она.

«Только ты».

– Прости, пожалуйста, в самом деле, прости, но мне нужно доставить братишку в безопасное место. Может быть, кто-нибудь другой...

«Только ты».

– Он слишком могуч! Он меня убьёт! Или превратит во что-то другое!

Глаз завертелся снова. Ещё стремительней. Ещё настойчивей.

«Только ты. Добрая ведьма. Прекратить мучения. Спасти нас.

Убить Сордуса.

Убить Сордуса».

6

Они шагали всё вперёд и вперёд. Первые два дня местность особо не менялась, хотя с каждым порывом ветра деревья перешёптывались так горестно, что Кара с трудом преодолевала желание сесть на землю и полностью опустить руки. На третий день земля сделалась болотистой и ненадёжной и жадно чавкала под башмаками. В воздухе клубами расплзалась ядовитая сырость. Мэри их научила растирать некое жёлтое растение и смазывать этой пастой носовые платки. Получившиеся маски вбирали из воздуха всю гадость, и к вечеру паста делалась смолисто-чёрной.

По пути они почти не разговаривали: все силы уходили на то, чтобы пробираться по пересечённой местности. Непредсказуемый возраст Мэри представлял дополнительную сложность. Проведя два дня одиннадцатилетней девчонкой, она снова сделалась старухой, поэтому они были вынуждены двигаться медленнее. Однако на следующий день она проснулась энергичной девятнадцатилетней девицей, и уже ей приходилось замедлять шаг, поджидая детей.

На ходу Кара всё время упражнялась.

Она направляла свой разум вовне и вслушивалась в потаённые звуки Чашобы, не слышимые никому, кроме неё. Поначалу было тяжело: поскольку потребности всех этих существ зачастую были одинаковы, они то и дело сливались в единый хор, словно голоса в толпе. Но постепенно Кара наловчилась отличать один голос от другого. Скажем, хриплое «ЕСТЬ!» жир-

ных существ, смахивающих на кабанов, которые то и дело перебежали им дорогу, было совсем не похоже на писклявое «ЕСТЬ! ЕСТЬ!» крылатых улиточек, которые вспархивали от любого шума. Кара научилась распознавать тембр всех этих голосов и голосков, и к концу третьего дня она уже запросто могла выделить в этом хоре каждое отдельное создание.

Научилась она слышать и другие, более сложные мысли. Матери, которая НАДЕЯЛАСЬ, что с её пленцом будет всё в порядке. Одинокое существо, опутанное слоями паутины, жаждающее СВОБОДЫ. Страдающий от жажды червячок, МЕЧТАЮЩИЙ о дожде.

Увы, даже самые радостные звуки здесь были омрачены тьмой. Животные проводили жизнь в страхе перед Сордусом. Он осквернил их лес злом, превратил многих друзей и родичей в злобных, клацающих зубами тварей, скорее растения, чем животных. О безопасности они давно и мечтать забыли.

«И я им ничем помочь не могу, – повторяла себе Кара снова и снова. – Даже если бы мне не нужно было заботиться о безопасности Таффа, всё равно мне никогда не сделаться настолько могущественной, чтобы побороть Сордуса».

И она знала, что права, но от этого было не легче.

На пятый день, когда они наконец-то выбрались из болота и очутились в новой части леса, Кара сосредоточила внимание на существе, которого никогда прежде не видела: колючий шарик, весь покрытый языками и глазами, который взбежал на её подставленную руку.

– Ой, фу-у! – скривился Тафф.

– Ну чего ты такой злой? – сказала Кара. – По-моему, оно милое.

– Да для тебя все эти твари милые.

Кара потянулась разумом навстречу зверушке, предвидя обычные мысли: «ЕСТЬ, СПАТЬ, ГНЕЗДИТЬСЯ...»

Ничего подобного. Кара уронила создание на землю.

– Ты чего?! – спросил Тафф, схватив сестру за руку.

– Оно... Да нет, мне, наверно, просто померещилось.

– Что померещилось-то?

Кара проводила взглядом крохотное создание, юркнувшее в кусты.

– Оно со мной заговорило.

– И что сказало?

– «Помоги нам», – она пробормотала это еле слышно – ей не хотелось, чтобы это было правдой. – Оно сказало «Помоги нам!»

* * *

В ту ночь Кара проснулась оттого, что кто-то ущипнул её за плечо.

– Вставай, вексари, – сказала Мэри-Котелок. – Ты уже достаточно наслушалась. Пришло время колдовать по-настоящему.

Кара растрясла Таффа, потом проворно оделась под ночными деревьями, усеянными светящимися оранжевыми точками, как будто само солнце напоролось на ветви и оставило на листьях капли крови. Они собрали свои скудные пожитки, а Мэри достала из своего мешка кривой и косой мячик, смётанный из звериных шкур, и бросила его Таффу. Мальчик посмотрел на Кару, не зная, что ему делать.

– Ну? Если будешь просто стоять столбом, ничего не выйдет, – сказала Мэри. – Ты мальчик. Вот мячик. Поработай своей умной головой, сообрази, что надо делать!

Тафф подбросил мячик в воздух, и тот слабо засветился. Тафф, хихикая, принялся подбрасывать его снова и снова, пока тот не засиял ярче факела.

– Спасибо, – сказала Мэри и забрала у него мячик. – Ну, пошли!

Хотя светящийся мячик горел неровно и временами на несколько минут потухал совсем, всё же этот маячок был очень кстати, когда они шли по ночному лесу, кишашему потаённой жизнью. Сквозь листву за ними следили пары и тройки глаз. По Кариным башмакам скользнула змейка – только и мелькнуло, что раздвоенный язычок, – а над головами у них висела тварь со множеством когтей, плоская, как блинчик, туго растянутая между сучьями нескольких деревьев.

Со временем они вышли на небольшую прогалину.

Невысокая, по колено, трава, несколько потемнее обычной пшеницы, шелестела на лёгком ветру. Где-то за прогалиной слышался шум водопада. Кара шагнула было вперёд, собираясь осмотреться, но Мэри поймала её за руку.

– погоди! – сказала она. Мэри сорвала несколько стебельков травы, скатала их в шарик и сунула его в рот. – Всё, теперь уже недолго.

Она нашла пенёк и присела на него. Тафф сорвал травинку, попробовал и тут же бросил. И уставился на Мэри с новообретённым восхищением: не всякий ведь способен так смело есть такую дрянь!

– Главное, что надо помнить о магии, – сказала Мэри, – что это талант, не особо отличающийся от таланта художника, или певца, или рассказчика историй. Все они по-своему ведьмы, все они создают нечто, чего прежде в Мире не было.

– И всё-таки есть большая разница: песни петь или колдовать! – возразила Кара.

– Ой ли? Ведь плетельщик историй тоже на время берёт своих слушателей и переносит их в другое место. И хороший певец тоже. И резчица по камню тоже использует своё искусство, чтобы отражать реальность, как она её видит.

Мэри сплюнула огромный ком жёваной зелени и заменила его свежей травой. Язык у неё начинал желтеть.

– Когда ты прибегаешь к магии, ты просто меняешь то, что есть, на то, что тебе хочется.

– Но это же невозможно!

– Для большинства людей – да. Но не приходилось ли тебе смотреть на что-нибудь в самом деле уникальное – витраж, например, или прекрасное платье – и удивляться: «Как же это сделано?» Возможности – это не то, что даётся всем и каждому, Кара. Это вопрос способностей!

Мэри подалась вперёд и подняла повыше светящийся мяч. В его мягком свете её лицо сделалось почти красивым.

– Поверь в то, что у тебя есть силы изменить Мир, и ты его изменишь! Забудь о Лесном Демоне. Прямо сейчас твой главный враг – неуверенность.

Что-то мелькнуло в траве. Тафф выхватил свой деревянный меч.

– Убери эту штуку, мальчик. Ты окажешь своей сестре скверную услугу, если распугаешь греттинов ещё до того, как мы начнём.

– А кто такие греттины? – спросила Кара.

– Мелкие существа, которые приходят сюда пастись по ночам. Они безобидные, как мыши. Но главное не это. Жди!

И они стали ждать. Теперь в траве сновало с десятков созданий – нет, уже десятка два. И тут вдруг, приглушённый стеблями, раздался высокий, мелодичный звук.

– Они же поют! – воскликнула Кара.

Пение нарастало и утихало в такт шелесту ветра и скрипу ветвей, и мрачная обстановка только подчёркивала красоту песни.

Кара взглянула на Мэри. Глаза у неё были закрыты, и выражение лица сделалось почти что безмятежным.

– А какие они? – спросил Тафф, вытягиваясь на земле на локтях.

Мэри пожала плечами.

– Я их ни разу не видела. Греттины имеют несчастье быть лакомым кусочком для хищников, неудивительно, что они такие пугливые. Стоит мне сейчас сделать хоть шаг по траве, они тотчас же все разбегутся.

Она открыла глаза и обернулась к Каре.

– Но если тыпустишь в ход свою магию, думаю, всё будет иначе.

– Ну, я не уверена... – сказала Кара, ломая руки. – Слышать этих существ – одно дело. А заставлять их выполнять мои приказы...

– Ты ведь это уже делала, – напомнила Мэри.

– Так это с гримуаром!

– Книга заклинаний облегчала тебе задачу, это верно. Но ничего не изменилось. Ты вексари. Настоящая ведьма.

Мэри указала в сторону поляны:

– А теперь ступай и докажи это!

Кара заворожённо шагнула вперёд. Первые стебли жёсткой жёлтой травы уже оцарапали ей колено, как вдруг в голову ей пришёл важный вопрос. Она оглянулась через плечо, помедлив, чтобы откинуть длинные пряди чёрных волос, что падали ей на глаза.

– Ты сказала, что ведьма как художница, что она создаёт нечто, чего раньше не было. Но ведь я же просто разговариваю с животными. Так что же я создаю?

Мэри хлопнула в ладоши.

– Молодец, вексари! Правильный вопрос задала. Ну, или почти правильный. Лучше было бы спросить так: «Что же мне нужно создать?»

– Это ведь не поможет.

– И не должно помочь. Задать нужный вопрос – это ещё не всё. Надо задать его в подходящее время.

– А как я... – начала было Кара, но Тафф её перебил.

– Они же её не обидят, нет? – спросил он.

– Нет, конечно, – ответила Мэри. – Кара, если ты и в самом деле собираешься встретиться лицом к лицу с Имоджин, тебе нужно овладеть своим могуществом. Но я никогда не поставлю тебя в положение, когда тебе могут причинить вред. По крайней мере, пока. Но, с другой стороны...

Мэри достала из висящих у неё на поясе ножен кривой кинжал и протянула его Каре.

– Возможно, осторожность не помешает. В конце концов, это Чашоба.

* * *

Кара робко шла через поляну. Поначалу трава шуршала: испуганные животные разбежались при её приближении. Но Кара потихоньку продвигалась на середину прогалины, мурлыча ту песенку, которой научила её мать, и животные возвращались. Девочка села, скрестив ноги, и скрылась в траве с головой, так что ей не было видно ничего, кроме макушек деревьев. Она как будто погрузилась в иной, сокровенный мир.

«Ну, ты ведь уже призывала животных, – подумала она. – Значит, и теперь сумеешь».

– Идите сюда! – шепнула Кара. – Я вас не обижу!

Но её слова были отягощены неуверенностью.

«А вдруг Мэри ошибается? Вдруг во мне нет ничего особенного?»

– Ну что, поймала кого-нибудь? – спросил Тафф, не прошло и нескольких минут. Мэри цыкнула на него.

В течение следующего часа Кара просила, приказывала, улещивала, умоляла животных подойти к ней – и всё безрезультатно. Кара слышала подлинные голоса многих греттинов, но

даже их различала смутно: лишь обрывки мыслей «ПЕТЬ!» и «ПРЯТАТЬСЯ!» проступали среди предательских ночных звуков.

Она уже начинала клевать носом, как вдруг песня греттинов зазвучала с новой силой. Однако теперь она звучала слегка насмешливо, так, будто животные понимали, что пытается сделать Кара, и их это забавляло. Греттины играли с нею на свой лад, и на несколько секунд она начисто забыла про магию, очарованная этими странными, удивительными созданиями.

«Вам же хочется ко мне подойти, верно? Вы же любопытные... но вы боитесь, что это ловушка. Как же мне доказать, что я не причину вам зла? Будь вы людьми, я бы просто сказала словами, но ведь вы же животные. Человеческие слова для вас ничего не значат. Тут нужна какая-то другая связь...»

«Задать нужный вопрос в подходящее время...»

«А что вообще связывает две вещи?»

– Мост, – сказала Кара.

Она зажмурилась и представила себе простенький деревянный мостик, который начинался у неё в голове и тянулся в ту сторону, откуда доносились голоса греттинов. «Смотрите, вот связь между нами, – думала Кара, надеясь, что её поймут. – Вы можете мне довериться». Мысленно Кара чувствовала, как греттины подходят всё ближе, будто нерешительные собаки, приноживающиеся к следу. Она приготовилась к тому, что сейчас должно произойти, и...

Они отказались перейти мост.

«Что-то не так, – поняла Кара. – Да, надо создать связь между нами – в этом я уверена! – но я не даю им достаточно убедительного повода мне доверять. Как же доказать, что я не причину им зла?»

Ответ пришёл как озарение – будто внезапно отёрнули штору и впустили послеполуночное солнце.

«Настоящие мосты строят из дерева или из камня, потому что тогда они получаются надёжные – но это всё только в материальном мире. А мысленный мост должен быть построен совсем из другого материала – такого, который позволит этим существам чувствовать себя в безопасности, так же, как дерево позволяет людям чувствовать себя в безопасности на самом деле».

Кара вспомнила все случаи из своей жизни, когда она чувствовала себя в наибольшей безопасности. Как она уснула на веранде и проснулась на руках у папы, который нёс укладывать её спать. Как она ходила по торговым рядам, держа за руку маму. И Кара, будто мастер, формирующий кирпичи, превратила эти воспоминания в строительный материал и сложила из них мысленный мост, основанный на тепле и безопасности.

Греттины, заново исполнившись любопытства, кружили всё ближе.

– Ну, идите сюда! – шепнула Кара. – Добро пожаловать!

Она ощутила мысленный толчок – и тихонько ахнула.

Её приглашение было принято.

Трава раздвинулась, и на Кару уставилось существо с большими янтарными глазами. Тело у него было длинное и гибкое, как у ласки, с ржаво-рыжим мехом и пушистым хвостиком.

– Так вот ты какой! – сказала Кара.

Она протянула руку к самой земле и стала ждать. Поколебавшись – больше из гордости, чем из опаски, – греттин понюхал Карины пальцы и вскочил к ней на ладонь. Крохотная зверушка оказалась тяжелее, чем можно было предположить на первый взгляд, однако же не такой тяжёлой, чтобы Кара не сумела поднять её на уровень собственных глаз.

– Ну здравствуй, друг! – сказала Кара.

Греттин зачирикал в ответ.

И они хлынули к ней со всех сторон. Кара чувствовала, как зверушки возятся у неё в ногах, снуют по плечам и по рукам. Крохотные лапки щекотали ей кожу, и она рассмеялась.

– Эй, ты что там делаешь? – воскликнул Тафф. И обиженным, негодующим тоном добавил: – Что-то интересное, да? Без меня?!

Греттины сбежали с Кары и принялись собираться у неё под ногами: растущая масса снующих тел, которая вдруг раздулась до высоты её собственного роста, а потом мгновенно осела и сменила облик: шустрые тельца складывались вместе, собирались воедино, пока перед Карой не возникло существо размером с пони, с дряхлой, мудрой, древней физиономией.

– Вы все, – сказала Кара, – все вы – часть единого существа!

Она погладила греттина по спине, удивившись тому, что под шкурой у него перекатывались бугорки, как будто он был мешочек с шариками. Из задней ноги у него торчал пушистый хвостик, забытый в процессе преобразования.

Кара поднялась на ноги и помахала Мэри и братишке, которые казались тёмными силуэтами в наступающей утренней мгле.

– Идите скорее, это надо видеть! – крикнула она. – Это такое чудо!

– Ты уверена, что стоит это делать? – спросила Мэри, удерживая Таффа. – Не хотелось бы его спугнуть.

Кара наклонилась, заглянула греттину в глаза и почесала его за ушами.

– Ведь можно, да? – спросила она. Поскольку существо было на её стороне мысленного мостика, она знала, что оно её понимает. – Можно мои друзья подойдут и посмотрят, какой ты краси...

Существо издало негромкий гортанный рык. Кара отступила назад, решив, что совершенно неправильно оценила ситуацию. «Это ловушка! – подумала она и поспешно отёрнула руку, пока пальцы целы. – Оно сейчас на меня набросится!»

Но тут она заглянула в добрые глаза греттина и увидела, что в душе у него нет ни капли злобы, ни к ней, ни к любому другому существу. А рык был всего лишь предупреждением – и как только Кара это поняла, рык сменился другими звуками – такими, которые её разум мог разобрать и понять.

«Волокун! Зубастый! Беги! Скорее!»

Но было поздно.

Земля содрогнулась, когда чудовище грохнулось сверху. Ног у него не было, вместо этого оно балансировало на руках, оплетённых мощными, как у рептилии, мышцами. Кожи извивающегося торса было совсем не видно: на нём рос целый лес мха и поганок.

«Порченный!» – подумала Кара.

Волокун приподнялся и подался вперёд, чтобы уравновесить своё похожее на личинку тело, и Кара поневоле заглянула в налитые кровью глаза, в которых плескалось безумие.

– Беги, Кара! Беги! – воскликнул Тафф.

Волокун разинул пасть, обнажив омерзительную смесь клыков и шипов. Вместо языка из пасти вырвалась лиана и оплела греттина, пригвоздив мечущееся животное к месту.

В полузакрытых глазах греттина Кара увидела лишь угрюмую покорность.

«Пробил час, – услышала она. – Роковой час для таких, как я».

– НЕ-ЕТ! – вскричала Кара.

Даже потом она затруднилась бы объяснить, что же произошло дальше. Ближе всего к истине было объяснение, что греттин находился на её стороне мысленного моста и поэтому вынужден был её слушаться. Кара просто не предоставила ему выбора.

– Убегай! – велела она.

И греттин лопнул: из единого существа превратился в сотни, которые проскользнули между клыков волокуна и скрылись в ночи. Сколько монстр ни клал зубами, он так и не сумел поймать их, таких мелких и шустрых.

– Да! – крикнула Кара. – Бегите, бегите!

Ей почудилось, что издали донёсся чирикающий хор, слившийся в последние слова: «Спасибо тебе!»

Однако Кариной радости хватило ненадолго.

Теперь волокун всё своё внимание сосредоточил на ней. Он был слишком тупой, чтобы осознать то, что только что случилось, однако, похоже, как-то, по-своему, понимал, что вот этот мелкий человек только что оставил его без завтрака. Кара с колотящимся сердцем принялась пятиться назад. Инстинкты требовали повернуться и бежать прочь со всех ног, но она преодолевала естественный порыв, боясь, что резкое движение заставит чудовище напасть.

И тут Кара почувствовала на спине чью-то ладонь.

– Магия, вексари! – шепнула ей на ухо Мэри. – Управляй им. Подчини его себе!

Волокун шагнул вперёд на своих ручищах. Между нижних зубов у него болталось что-то жилистое и недоодеенное.

Кара потянулась разумом ему навстречу, нащупывая сознание твари, но в то время, как греттин был подобен счастливой минуте, которую всякий рад вспомнить, волокун был кошмарным моментом, который лучше забыть навсегда: треск ломающихся костей, бессонная ночь, проведённая в бреду, лицо матери, разочарованно отвернувшейся от неё...

– Не могу, – ответила Кара. – Я поняла, чего хотел греттин, и установила с ним нечто вроде связи, но с этим чудовищем у меня нет ничего общего.

– Ты имеешь в виду, что не хочешь иметь с ним ничего общего.

И тут волокун бросился на Мэри. Он извернулся с поразительным проворством и повалил её на землю. Кара бросилась было на помощь, но чудовище преграждало ей путь своей тушей. Оно махнуло ручищей, и Кара пригнулась, почувствовав свист воздуха, когда когтистая лапа пронеслась у неё над головой.

И вдруг волокун рухнул.

– Готов! – вскричал Тафф, потрясая деревянным мечом.

Кара поняла, что случилось. В тот момент, как волокун перенёс вес на одну руку, чтобы её ударить, Тафф рубанул его деревянным мечом. Конечно, серьёзного вреда этот удар монстру не причинил, однако же от него чудовище потеряло равновесие, позволив Каре выиграть несколько драгоценных секунд.

Тафф уже помог Мэри подняться на ноги, и оба бросились в лес, под защиту деревьев. Кара подумала, что волокун кинется за ней, и побежала в противоположном направлении.

Вот только червь кинулся не за ней, а за её братишкой, разозлившись на человечка, машущего кусачей палкой.

– Сюда! Назад! – завопила Кара. – Оставь его в покое!

Она схватила камень и запустила им в волокуна. Камень попал в тушу. Чудовище, бывшее всего в нескольких шагах от Таффа, не обратило на это внимания.

«Мост! Сию секунду!»

Порывшись в воспоминаниях, она вспомнила Саймона. Не чувство вины, которое испытывала оттого, что убила его, а чистую, незамутнённую радость, которую доставило ей само убийство. Она тогда находилась под воздействием гримуара, но сейчас Кара об этом не думала. Как приятно было слышать его вопли, когда её дети впивались в него, как сладко было убить... Кара собрала нахлынувшие чувства и превратила их в мысленный мост, ведущий напрямик к волокуну. Однако путь к его мыслям был преграждён сплошной стеной ненависти. Девочка сосредоточилась сильнее, упёрлась в стену – но та оказалась прочнее камня. Волокун, в отличие от греттина, понятия не имел, что такое «доверие». Он к ней нипочём не подойдёт. Если Кара хочет его остановить, придётся ей самой ворваться в его разум.

Тафф завопил.

Стиснув голову руками, Кара собрала все мысленные силы и врезала по этой стене.

Волокун взвыл от боли, и в голове у Кары полыхнуло пламя. В носу что-то лопнуло. По губам потекло мокрое и липкое. Тварь обернулась к ней, сперва неуверенно, но потом Кара увидела, как её руки напряглись: монстр собирался напасть.

Она зажмурилась и снова ударила в эту стену. На этот раз было легче, хотя всё так же больно.

Волокун отлетел назад, как будто подхваченный порывом ветра.

Кара обнажила кинжал Мэри и подошла поближе к чудовищу. Оно, свернувшись, лежало на земле и пыталось снова подняться на руки. Несмотря на всё, что случилось, Каре сделалось его жалко. Ведь оно же просто голодное, только и всего!

Она перехватила его взгляд, вспомнила миг слепящего ужаса («Тафф у Грейс! Куда она его потащила?!») и воспользовалась им, чтобы найти путь к чудовищу, почувствовать то, что оно чувствует теперь.

«Я больше не причиню тебе зла, – сказала ему Кара. – Но только если ты уйдёшь сию же секунду!»

Волокун тихо зашипел, развернулся, подпрыгнул и исчез в кронах деревьев.

Тафф проводил чудовище взглядом, потом обернулся к сестре. В глазах у него читалось нечто вроде благоговения.

– Как ты это сделала? – спросил он.

– Это магия, – ответила Кара и рухнула на землю.

Книга вторая

Имоджин

Со временем те, что прибегают к магии, становятся чудовищами. Этой участи не избежать ни одной ведьме.

«Путь»

Лист 182, жилка 45

7

Она проспала двое суток.

За это время её посетил ещё один сон об отце. Начался он так же, как и первый: папа в поле, бросает семена в землю, а потом отступает и ждёт, как будто они тут же возьмут и прорастут.

И они проросли.

Зелёные побеги рванулись к небу, развернулись в стебли, и вот уже прямо на глазах зацвела кукуруза. Всё это происходило безумно быстро, но папа всё равно нетерпеливо при-топывал ногой. Не прошло и нескольких минут, как вокруг стояло кукурузное поле. Папа сорвал початок с ближайшего стебля, развернул его своим особенным способом, снизу вверх. Початок был отличный, на рынке за него дали бы не меньше коричневой.

Папа откусил краешек початка и задумчиво принялся жевать. За спиной у него завял и засох первый стебель.

Жук-гуделка бегал по Кариной ладони, щекоча ей пальцы усиками.

– Мне сегодня снова папа приснился, – сказала Кара.

– Опять в поле? – спросила Мэри. Сегодня она была маленькая, меньше Таффа, и её каштановые волосы были заплетены в две косички.

– Да. Только на этот раз кукурузные стебли вокруг него сохли. Это что значит?

– Может, и ничего, – ответила Мэри.

Однако же от Кары не укрылась лёгкая дрожь, скользнувшая по лицу Мэри.

– А может, и значит, – сказала Кара. – Что вам об этом известно?

Мэри вздохнула.

– Думаю, это значит, что отец твой до сих пор жив. Настоящий отец, я имею в виду. Место, которое ты видишь, – это то, где его держат сейчас, пока его тело занято Тимофом Клэном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.